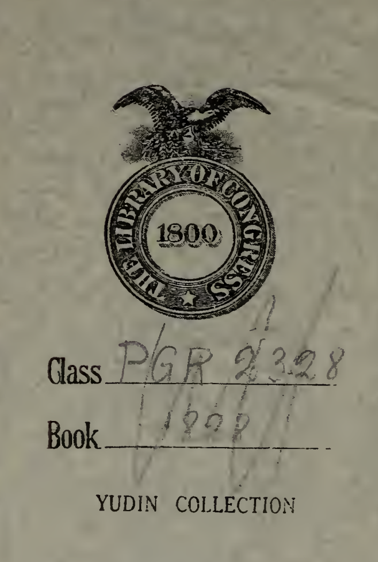
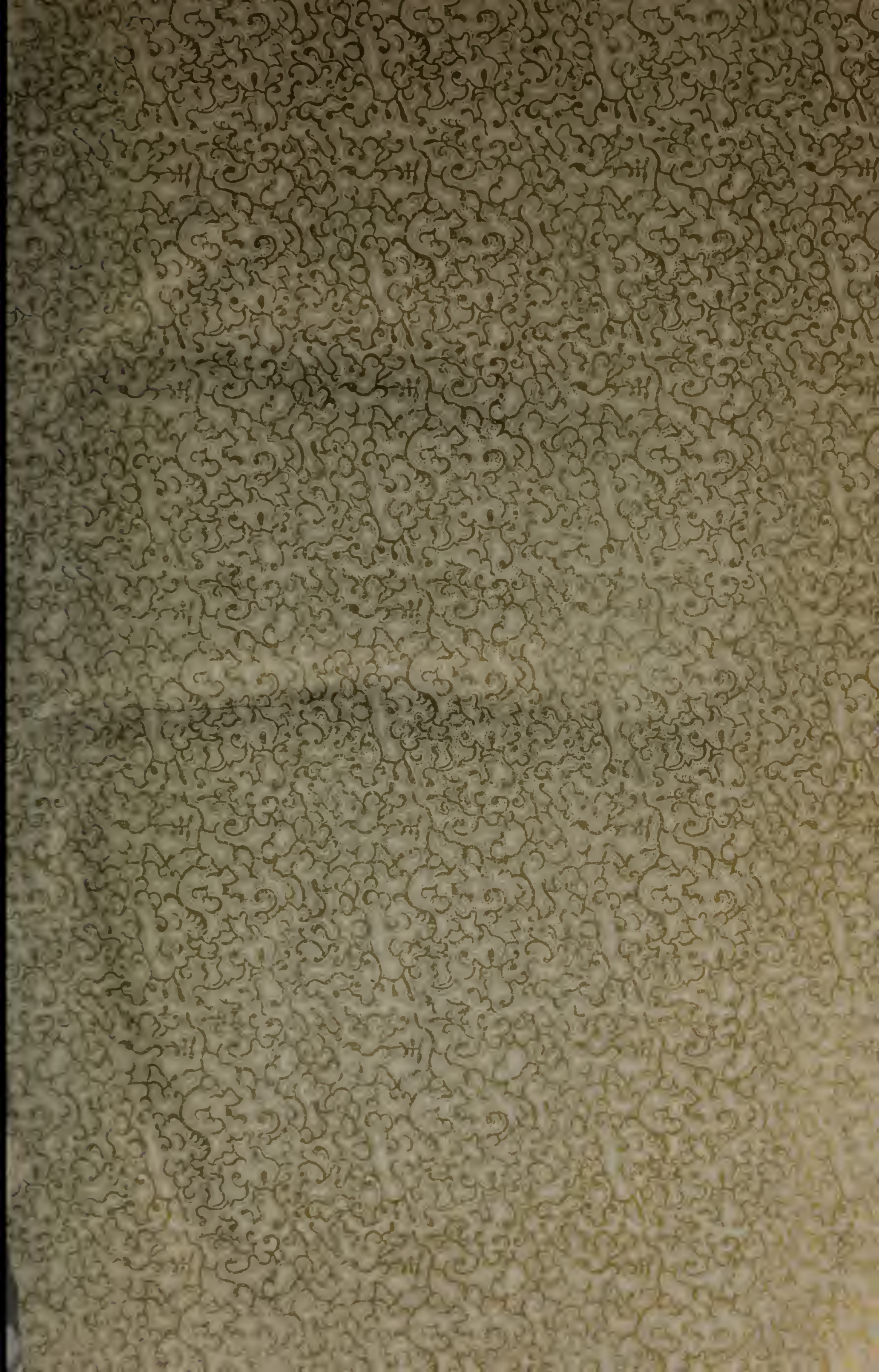

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1938

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class PGR 2328
Book 1907
YUDIN COLLECTION

Леонтію Осиповичу Гурко

Стихотворенія

Крестьянина

Михайла Суханова.

БАСНИ, ПѢСНИ

И

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

КРЕСТЬЯНИНА

МИХАЙЛА СУХАНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи І-го Кадетскаго Корпуса

1828 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было семь экземпляровъ сей книги въ въ Главный Ценсурный Комитетъ, для доставленія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ 10-го Маія 1828 года.

Ценсоръ *Константинъ Сербиновичъ.*

БАСНИ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

АРСЕНІЮ АНДРѢЕВИЧУ

ЗАКРЕВСКОМУ.

посвящаетъ

Крестьянинъ Михайло Сухановъ.

I

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Михаилъ Дмитріевъ Сухановъ, Архангельской Губерніи Княжеостровской волости, деревни Славенской, Экономическій Черносошный Крестьянинъ, не получилъ никакого воспитанія, но съ самаго дѣтства наслышавшись о славѣ своего единоземца *Ломоносова*, полюбилъ науки и Словесность, и безъ учителей, съ однимъ прилѣжаніемъ, обучился Русской грамотѣ и письму, сталъ читать лучшихъ Россійскихъ писателей, и наконецъ съ 1825 года началъ самъ упражняться въ стихотворствѣ. (*)

Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для прокормленія себя работою. Развивающемуся дарованію необходимо ободреніе, и здѣсь Ѳ. В. Булгаринъ первый обратилъ вниманіе на способности Архангельскаго крестьянина Поэта. Въ 1826 году въ Сынѣ Отечества въ первый разъ появилось сочиненіе Суханова; это стихи внушенные ему

(*) Суханову нынѣ 26 лѣтъ. До 9 лѣтъ проживалъ онъ въ деревенской хижинѣ умной и доброй бабушки, которая его очень любила. — На 11 году отдали его въ сидѣльцы къ одному купцу мѣнялѣ, гдѣ было бѣдному мальчику худое житье; онъ принужденъ былъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ перетаскивать на себѣ мѣшки съ мѣдными дѣньгами для обмѣна. Скупой хозяинъ кормилъ скупо, и въ 1812 и 1813 году Сухановъ зимою въ трескучій морозъ въ легкомъ платьѣ простаивая у лавки цѣлые дни съ семи часовъ утра до семи вечера, пересчитывалъ деньги, такъ что пальцы часто примерзали къ мѣди отъ холода.

Видя, что здоровье его ослабѣвало родные взяли его изъ лавки мѣнялы и отдали другому купцу, у котораго онъ жилъ уединенно, не спокойно. Въ это время Сухановъ полюбилъ чтеніе, и оно раскрыло его умственныя способности и возбудило любовь къ Словесности.—

чувствами радости по случаю Священнѣйшаго Коронованія нынѣ благополучно Царствующаго **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.**

Одобренный вниманіемъ Литтераторовъ и отзывами Читателей, Сухановъ въ короткое время написалъ много стихотвореній, Русскихъ пѣсенъ, и остроумныхъ басенъ въ стихахъ. Нѣкоторые изъ нихъ помѣщены въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ. Многіе съ удовольствіемъ читали ихъ, а Сухановъ тогда находился въ крайней бѣдности, проживая въ С. Петербургѣ, куда онъ прибылъ изъ Архангельска, чтобъ найти себѣ мѣсто у какого нибудь купца на канторѣ, но люди торговые мало цѣнили дарованія человѣка занимающагося Словесностію и самые успѣхи Суханова мѣшали его щастію: крестьянинъ— Поэтъ нѣсколько времени имѣлъ пристанище у ремесленника, которому помогалъ въ работѣ. Нѣсколько времяни онъ даже не имѣлъ теплаго платья, а открыться въ крайности и просить— стыдился.

Примѣчая сію несмѣлость, признакъ благородной души, при отличномъ трудолюбіи и поведеніи, нѣкто доставилъ Суханову мѣсто повѣреннаго по откупамъ въ Ярославской Губерніи, и собралъ стихотворенія его въ одну книгу, для изданія въ пользу *Суханова*. Но между тѣмъ открылись обстоятельства, требующія, чтобы Сухановъ или возвратился въ Архангельскъ, или внесъ бы въ Архангельское сельское общество довольно значущую сумму.

Опасаясь, чтобъ такой нечаянный случай не имѣлъ бѣдственнаго влiянiя на слабое здоровье Суханова, нѣсколько Любителей Словесности рѣшились поспѣшить изданiемъ сочиненiя Суханова, дабы продажею экземпляровъ сей книги собрать сумму, достаточную для обезпеченiя Суханова, и въ надеждѣ, что все неравнодушные къ пользѣ Отечественнаго просвѣщенiя пожелаютъ имѣть сiю книгу, и тѣмъ содѣйствовать къ ободренiю дарованiй Архангельскаго крестьянина — Поэта.

С. Петербургъ 30 Августа 1828 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

СМѢСЬ.

ЧУВСТВА РУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА

при Священнѣйшемъ Короновании

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ ПЕРВАГО

Радость свѣтлая послѣ скорби намъ!
А была намъ скорбь по Царѣ - Отцѣ!
Не средь вечера, средь весення дня,
Затмѣвалося небо ясное,
Накатилися тучи черныя,
Распростерся мракъ, громы грянули,
И разсыпались изъ конца въ конецъ
Огнекрылыя страшны молніи,
Вѣтры вырвались изъ пещеръ своихъ....
Воды хлынули изъ бреговъ крутыхъ,
Поглощали все, что встрѣчалося;
Птицы съ гнѣздъ вспорхнувъ, ихъ покинули,
На лугахъ стада разбѣжалися;
Устрашенные за работою
Земледѣльцы всѣ съ поля бросились,
Звѣри хищные ищутъ жертвъ себѣ.

Вдругъ явилося Солнце красное!
Вмигъ разсѣялись тучи черныя,
Громы, молніи — все утихнули;—
Въ лѣсъ сокрылися звѣри хищные;

Воды вновь вошли въ берега свои;
Тишина вездѣ воцарилася.
Земледѣльцы вновь на поляхъ своихъ,
И работая, сами плакали,
Славословили благъ Подателя . . . .
И опять стада, какъ на шелковыхъ,
На цвѣтныхъ лугахъ, разсыпаяся,
Вкругъ ихъ рѣзвятся, дѣлятъ радость ихъ.

Такъ печалію взволновалася
Вся Святая Русь по Царѣ своемъ,
Какъ бы бурею пораженная.
Но явился вновь лучезарный свѣтъ!
Солнце новое обогрѣло насъ;
Мы услышали, что Создателемъ,
Что Святымъ его изволеніемъ,
НИКОЛАЙ у насъ **ИМПЕРАТОРОМЪ**,
АЛЕКСАНДРА Братъ намъ второй Отецъ!
Озаритъ **ОНЪ** насъ свѣтомъ истинны,
Обогрѣетъ насъ милосердіемъ!
Позавидуютъ нашей участи!

Естьли Царство гдѣ столь пространное?
Естьли Царство гдѣ больше славное?
Мы Россіяне—всѣхъ счастливѣе.
Насъ Господь хранитъ, къ намъ Онъ милостивъ.
Сколь великъ Господь въ Своей благости,
Миновалася горесть лютая!

И утѣшилъ насъ Всемогущій Богъ!
НИКОЛАЙ въ вѣнцѣ, скиптръ пріемлетъ ОНЪ,
Облекается ОНЪ порфирою,
И ОНЪ любитъ насъ—какъ дѣтей Своихъ!
АЛЕКСАНДРОВЪ Братъ, Онъ надежда намъ!
Блещетъ правдою, блещетъ милостью;
Твердый доблестью, какъ Великій ПЕТРЪ,
ОНЪ — опорою Царству Русскому.

Ахъ! почто же ты вся Святая Русь,
Не вмѣстилася въ каменной Москвѣ?
Чтобы всякой зрѣлъ торжество торжествъ,
Богомъ вѣнчанна ИМПЕРАТОРА?
Отъ Котораго наше счастіе,
Какъ отъ солнца лучь—возблистаетъ намъ!
Мы лишь мыслію тамъ присутствуемъ
И душей своей лишь привѣтствуемъ;
Не имѣли мы сребра, золота,
Ни каменія драгоцѣннаго
Поднести Ему въ даръ любви своей.
Но намъ сердце есть, чтобъ любить Царя!
Есть уста у насъ, чтобъ молить о Немъ!
Поселяне мы,— но одинъ Монархъ
И богатому и убогому.
Въ простотѣ и мы также чувствуемъ,
И участвуемъ въ общей радости.

Славься, добрый Царь! НИКОЛАЙ—ура!
Ты живи, блистай неисчетны дни!
Богa молимъ мы: *намъ Царя храни!*

БАСНИ.

I.

ЦВѢТОКЪ и ТЕРНОВНИКЪ.

Б. М. Ф-ву.

Вь степи пустой, безплодной,
Въ которой кое гдѣ терновникъ виденъ былъ,
Цвѣточикъ выросъ благовонный;
Но только, что разцвѣлъ, терновникъ возопилъ:
„За чѣмъ ты здѣсь межь нами?
„Ты насъ собою лишь срамишь!
„Но ты не долго постоишь!
„Узнаешь, каковы терновники съ иглами;
Напрасно онъ цвѣтку грозилъ,
Цвѣтокъ нашелъ себѣ спасенье.—
Ботаникъ степью той однажды проходилъ,
И видя рѣдкое растѣнье —
Съ собою взялъ цвѣтокъ—и въ садъ пересадилъ.—

II.

ДУБЪ.

БАСНЯ.

— Тебѣ, могущему урокъ написанъ сей.
Достигнувъ ты какой нибудь стезей,
На верьхъ честей,
Остановись, еще лишь шагъ,—тебя не стало!

Примѣровъ много здѣсь бывало,
И Басню я тебѣ въ угодность написалъ.
Однажды говорятъ, надъ безднoю глубокой,
На самой крутизнѣ высокихъ. дикихъ скалъ,
Дубъ выросъ превысокой.
Вѣка прошли,—онъ все стоялъ,
Ни хлада ни дождя, ни зноею не страшился.
Разъ въ полдень буря поднялась, —
Вѣтръ дунулъ, грянулъ громъ,— по небу раскашился,
Скалы вершина затряслась,
И съ шумомъ въ бездну пала!—
И вмѣстѣ гордой Дубъ съ собою увлекла.
Лишь только что молва по свѣту пробѣжала,
„Нѣтъ Дуба!--и слѣды на вѣкъ покрыла мгла!--

III.

ЧЕРЕПАХА.

Разъ Черепаха Льву прошеніе вручила;
Она о мѣстѣ Льва просила,
Въ какой же должности желаешь ты служить?
Спросила у нее Собака;
Я, отвѣчала Черепаха,
Хотѣлабъ скороходомъ быть.
Ну можно ли? Собака возразила,
Сама бы по себѣ ты прежде разсудила,
Ну какъ тебѣ въ семъ званьи быть?
Ты ползаешь, а надобно ходить!
Ты по пустому льва просила.
Такъ видно ты при знатныхъ не служила?
Отъ Черепахи былъ отвѣтъ;

Не по способности вѣдь судитъ нынѣ свѣтъ;
Лишь далъ бы Богъ опредѣлиться!
Довольны будутъ здѣсь услугою моей.
И чтожъ? искательствомъ друзей
Дано то мѣсто ей!
И ею — не могли довольно нахвалиться.

IV.

БАБОЧКА и РУЧЕЕКЪ.

БАСНЯ.

Рѣзвяся, Бабочка упала въ ручеекъ,
И по водѣ несется:
Бѣдняжка чуть жива! трепещется и бьется.
Дутъ началъ вѣтерокъ
И мѣлкой рябью — вдругъ подернулся потокъ.
Погибель предъ глазами:
Плескало мѣлкими струями,
И Бабочка ужь выбилась изъ силъ!
Не можетъ ни лететь, ни шевельнуть кры-
лами.
Но рокъ бѣдняжку пощадилъ:
Въ ручей цвѣточикъ кинутъ былъ —
И плылъ:
Вотъ Бабочка къ нему! . . . кой — какъ добра-
вшись, сѣла,
Обсохла, съ силой собралась,
Взвилась —
И вновь къ цвѣтамъ въ долину полетѣла.
Гдѣ часто помощи не думаемъ найти,
Бездѣлка можетъ насъ спасти. —

V.

ФИЛИНЪ и ОРЕЛЪ.

„О, Царь! Я немогу довольно надивиться,
Такъ Филинъ говорилъ Орлу.—
Какъ Солнцемъ вы могли плѣниться?
Не предпочли ему преблаготворну мглу?—
Одно съ надмѣнностью лучи свои бросаетъ,
И хочетъ цѣлый міръ лучами ослѣпить!
Другая такъ скромна . . . . " Орелъ рѣчь прерываетъ:
—„Орелъ— не Филинъ; мглу—ему нельзя любить."

VI.

УМНЫЙ ЯГНЕНОКЪ.

(*Изъ Гольберга.*)

Увидѣлъ Волкъ
Ягненка — на горѣ высокой:
Хотя Ягненокъ былъ отъ Волка недалеко,
Однако Волкъ — схватить его не могъ.

Дай. льстивыми словами,
Волкъ думаетъ, его—я приманю къ себѣ,—
И говоритъ ему: „что пользы межъ скалами
Бродить тебѣ?
„А лучше бы сошелъ сюда, на лугъ зеленый,
„Шелковой травки пощипать!
„Здѣсь есть — и ручеекъ студеный—

„Меня же не страшись; невинныхъ обижать—
„Не только самъ себѣ, другимъ не позволяю.“

—Постой! я сбѣгаю спрошу объ этомъ мать;
А я еще незнаю
О Волчьей добротѣ: — Ягненокъ отвѣчалъ—
И побѣжалъ.—
Увидѣлъ Волкъ, что болѣ
Напрасно будетъ онъ Ягненка ожидать,
Пустился въ поле.

*

О дѣти! ничего не надо начинать —
Вамъ,— не спрося отца и мать.

VII.

РѢКА и РУЧЕЙ.

Въ долинѣ ручеекъ бѣжалъ,
Цвѣты струями орошалъ;
Межь тѣмъ отважно ниспадала
Съ горы широкая рѣка,
Шумя еще издалека. —
И по долинѣ протекала.
Рѣка увидѣла сосѣда своего:
„Ахъ! какъ ты малъ!“ — ему сказала,
„Течешь ты какъ и мы, но только твоего
Почти никто и не примѣтитъ;
Ты кроешься въ кустахъ всегда;
А я — весной воспряну изъ подъ льда,
Пѣвецъ меня привѣтитъ

На лирѣ золотой своей;
Какъ стадо лебедей,
Бѣгутъ по мнѣ суда. . . . . лишь эхо оглашаетъ
Окрестныя мѣста отъ пѣсенъ ихъ пловцовъ."
— ,, А я, — ручей ей отвѣчаетъ —
Доволенъ похвалой невинныхъ пастуховъ.
Мнѣ буря не страшна, луга не надоѣли,
И сладкой голосокъ пастушеской свирѣли
Пріятнѣй шума мнѣ: волнуетъ вѣтръ тебя!

Твое волненье
Не наслажденье,
Я счастливъ — тишину любя.

VIII.

ОГОНЬ и БЕРЕСТА.

Рыбакъ наудя рыбъ, расклалъ на бережокъ
Трескучій огонекъ.
Вблизи Огня, Берестинка лежала;
Едва лишь въ свѣтъ она вступала,
Увидя тутъ ее — Огонь сказалъ:
,,Ахъ! молодешенька ты въ шумный свѣтъ
вступаешь,
Еще не знаешь,
Какъ нынѣ онъ коваренъ сталъ.
Но . . . если бъ ты рѣшилась —
Себя подъ власть мою отдать,
Я сталъ бы какъ сестру родную защищать."
Какъ сильнаго защиты не принять?
Береста согласилась. —

Чрезъ нѣсколько минутъ, вдругъ началъ дуть
Борей.
Съ своей защитою, Огонь поближе къ ней;
Дотронулся ее, Береста запылала!
Еще минута — и пропала;
Остался пепелъ лишь отъ ней.
Неопытность, страшись ласкателей друзей!

IX.

СОЛОВЬИ и ВОРОНЫ.

Пѣвцы любви,
Слѣтелись въ рощу Соловьи,
Весну почтить хвалой хотѣли:
Запѣли,
Очаровали птицъ и малыхъ и большихъ!
Откуда ни взялось Воронъ большое стадо;
„Подруги!—говоритъ одна изъ нихъ, —
„Довольно слушали мы ихъ!
Пускай щебечутъ какъ имъ надо,
А мы—себѣ споемъ.
И что же медлить намъ?—начнемъ."
И всѣ давай кричать одна передъ другою!
Умолкли Соловьи предъ шумной ихъ толпою:
Съ воронами нельзя имъ пѣть.
Осталось имъ *одно*: скорѣе прочь лететь!
Вспорхнули, полетели.

*

И здѣлали умно, что болѣе не пѣли.
Чего имъ было ждать?
Воронъ нельзя перекричать.

X.

СОВА.

Была Сова. она
Хоть пѣть ни мало не умѣла,
Однако часто пѣла.
Одна
Знакомая ея Синица,
Сказала ей: не пой сестрица!
Тогда Сова въ отвѣтъ:
Хотя во мнѣ охоты къ пѣнью нѣтъ,
Я не себя увеселять желаю,
—Своимъ знакомымъ угождаю!

*

Я въ предисловіяхъ читалъ у рифмачей,
Что вздоръ свой — выдаютъ въ угодность для друзей.

XI.

ЛИСА и ВЫДРА.

(Изъ Гольберга.)

Случилось выдрѣ увидать
Какъ съ курами лиса изволитъ обращаться,
И ей давай пѣнять:
„Не стыдноль кровію невинныхъ упиваться?
Что здѣлали они тебѣ?
За что ихъ жизни ты лишаешь?"—

Въ отвѣтъ на то Лиса, — и! будто ты не-
знаешь?
Не такъ ли съ рыбками сама ты поступаешь?
Суди же по себѣ.

*

И мы такъ часто осуждаемъ,
Людей винимъ,
А на себя не поглядимъ,
Что хуже поступаемъ.

XII.

ЛЕДЪ и ВОДА.

Весеннею порою
Ледъ вздумалъ въ брань вступить съ Водою.
Еще ль не крѣпокъ я? онъ говорилъ съ собою.
Ну, есть кого и побѣдить!
Но только что Вода усиливаться стала;
Гдѣ дѣлась крѣпость льда? какъ будто не бы-
вало! —
Растаялъ онъ, и сталъ Водой
Не возносись гордецъ, со слабою душой!

XIII.

БАШМАКЪ и КОЛОДКА.

„Помилуй! сжалься надо мною!—
Башмакъ колодкѣ говорилъ.—
„Терпѣть недостаетъ мнѣ силъ,
Измученъ я тобою!“
—„Я радабъ дать тебѣ покой,
Колодка возразила:
Что дѣлать? надъ самой—
Чужая управляетъ сила.“

XIV.

ГОРШОКЪ и КОТЕЛЪ.

Котелъ съ горшкомъ стояли въ рядъ
На очагѣ дымясь съ водою.
„За чѣмъ не вымоютъ тебя любезный братъ?
Сказалъ котелъ,—мнѣ стыдъ стоять съ тобою.“
—Стыдися самаго себя!
Вѣдь ты меня чернѣй!—„кто? я? чернѣй тебя?
Заклокоталъ котелъ: о лжецъ примѣрный!...
Но что съ неряхой говорить?
Пусть люди будутъ насъ судить!
На то сказали имъ — что оба черны.—

*

Толкъ басенки моей:
Что такъ и люди поступаютъ
И чернотой другъ друга обвиняютъ,
Не видя черноты своей.

XV.

КОЗА, ОВЦА и СВИНЬЯ.

Свинья, Овца, Коза
Везлись въ одной телегѣ.
Взведя на спутниковъ глаза
Свинья сказала:„ Въ этой нѣгѣ,—
Въ какой теперь сидимъ,
Я отъ роду еще подруги не бывала.
Дивлюсь, не знаю чемъ въ такую честь попала?
Пусть почесть вамъ,
Такъ по дѣламъ!
Одну доятъ, другую брѣютъ.
А я — не приберу ума!
Ни я сама,
Ни дѣточьки мои, талантовъ не имѣютъ,
Чѣмъ заслужилибъ честь.“

Въ отвѣтъ Овца сказала:
—Въ накладъ себѣ, ты въ эту честь попала,
Тебя за тѣмъ везутъ, чтобъ —вѣтчины по-
ѣсть.

XVI.

МАРТЫШКА.

Мартышка много разъ видала,
Что Господинъ ея за книгою сидитъ,
И часто ночью мало спитъ:
Тутъ что нибудь да есть, Мартышка раз-
суждала,

Но вотъ узнаю я, да и легко узнать:
Труда большаго нѣтъ—листы перебирать,
Сказала, ждетъ поры, чтобы одной остаться,
Уходитъ господинъ, и лишь успѣлъ убраться,
Мартышка кинулась читать.
И надобно ея терпѣнью удивляться!
Всю книгу по листу она перебрала,
Но ничего не поняла —
И бросила съ досадой,
Сказавъ: въ огнѣ бы ей сгорѣть!
Что пользы тутъ? чего смотрѣть?
Напрасенъ трудъ, и скука лишь наградой!
Когда бъ она моя была,
Я въ лоскуточки бы ее разорвала!

И люди также разсуждаютъ
О томъ, чего не понимаютъ.—

XVII.

ЦВѢТОКЪ и ТРАВА.

„Сосѣдка! — такъ травѣ цвѣточикъ говорилъ:
Къ чему бы ненависть такая?
Что не даешь мнѣ цвѣсть, тѣснишь, лишаешь силъ?—
„Да ты, въ отвѣтъ трава сказала, прерывая,
Клочка земли меня лишилъ!“

XVIII.

СИНИЦА.

Густую рощицу Синица полюбила.
Не налюбуется!... ужь всебь ее хвалила!
И только пѣнія о рощицѣ одной:
„О рощица! мой рай! поетъ себѣ Синица.
„Я все здѣсь буду жить; не разлучусь съ тобой!
„Мнѣ всякой здѣсь кустокъ — свѣтлица!
Проходитъ пять, шесть дней.
И рощицу Синица оставляетъ;
Въ ней жить — соскучилося ей.
Летитъ — и въ сѣти попадаетъ —
И въ клѣтку заперта пѣвица у людей.
Тутъ вспомнила она о прежней волѣ;
Хотѣлось бы опять ей въ рощицу летѣть;
Но не было свободы болѣ!
И стала отъ тоски свою неволю пѣть.

И мы не такъ ли поступаемъ?
Здѣсь *худо*, лучше *тамъ!* нѣтъ, надо посмотрѣть;
Но лишь пустились, все теряемъ!—

XIX.

МЕДВѢДЬ.

Медвѣдь Львомъ здѣланъ былъ Судьей;
Проходитъ пять, шесть дней,

Вотъ Волкъ его по дружбѣ навѣщаетъ,
Что братъ? у Миши онъ спросилъ,
Когда проситель къ вамъ смиренно прибѣгаетъ—
И дастъ медку? возмешь? отвѣтъ Медвѣдя былъ:
О нѣтъ! Левъ очень строгъ; я свято чту уставы,
Но съ медомъ онъ пускай идетъ къ моей женѣ,
Она возьметъ, и мнѣ —
На лапу попадетъ, а будемъ—оба правы!

XX.

МЯТА.

Въ одномъ саду, въ тѣни сиреневыхъ кустовъ,
На грядкѣ межь цвѣтовъ,
Лилей и васильковъ,
И Мята выросла простая:
Садовникъ тамошній, Панфилъ,
Лилеи, васильки водою поливая,
Любуясь ими — ихъ хвалилъ;
А Мята — примѣчая,
Одна похвалъ не получая,
Раздумалась съ собой:
„Жестокій жребій мой!
Я пользу доставляю,
Но лишь одну меня не хвалятъ. . . Понимаю!
Мой видъ не такъ цвѣтистъ, я всѣхъ изъ нихъ простѣй.

*

Какъ не жалѣть, что свѣтъ превратно разсуждаетъ!

Онъ тѣхъ честитъ и тѣхъ ласкаетъ,
Кто не полезнѣе—а видомъ поцвѣтнѣй!

XXI.

ЯСТРЕБЪ и СОЛОВЕЙ.

На муравѣ поймалъ злой Ястребъ Соловья,
С добычи глазъ не сводитъ!...
Ну —жать его въ кохтяхъ! пѣвцу ужь смертъ
приходитъ;
Откуда ни возмись змѣя —
И жало въ хищника вонзила.
Пѣвецъ—вновь пѣть свою свободу полетелъ.

Друзья! я показать хотѣлъ,
Что добрыхъ — Вышняя всегда спасаетъ сила.

XXII.

СЛОНЪ.

Ослы, Козлы, и пять, шесть Козъ,
Увидѣли Слона, давай ему смѣяться;
Кричатъ: уродъ! глупецъ! хоть ростомъ съ
гору взрост.
Но что же Слонъ? емуль съ козлами состя-
заться?
Ни слова имъ,
Взглянулъ, — и шелъ путемъ своимъ.

XXIII.

СОЧИНИТЕЛЬ и ПЕРО.

,,Несносное перо! вскричалъ сердясь поэтъ,
И изломавъ его, онъ кинулъ.
—Меня ты не вини,— перо ему въ отвѣтъ:—
Вини, что смыслъ тебя покинулъ.

XXIV.

РОЗОВОЙ КУСТЪ и ПУСТОЦВѢТЪ.

На берегу прозрачнаго ручья —
Кустъ Розовый расцвѣлъ . . . и лѣтнею порою
Онъ былъ всегдашнею приманкой Соловья.
Вечернеюль, иль утренней зарею —
Отколь Соловушко лишь только не летелъ,
Всегда на этотъ кустъ садился
И пѣлъ,
Зефировъ рой вокругъ куста рѣзвился.
А Мотыльковъ? и счету нѣтъ!
Они и день и ночь вокругъ куста летали,
Съ цвѣточками играли;
Прохожій, кто ни йдетъ
Всегда цвѣточками любуется, дивится,
Но вотъ среди куста ввязался пусто-
цвѣтъ.
Все это видя онъ— вдругъ сталъ собой гор-
диться.
И самъ себѣ сказалъ: не даромъ говорится—
Что золото въ грязи узнать.

О люди: вы меня и здѣсь могли сыскать.
О самовольные поэты!
Не выль Парнасса пустоцвѣты?
Къ піэсѣ Пушкина подкравшися Швырковъ—
Мечтаетъ привлекать чтецовъ.

XXV.

КРОТЪ.

(Изъ Гольберга.)

Однажды Кротъ просилъ у матери своей
Очковъ,— которые бываютъ у людей.
„Въ нихъ близорукіе глядятся;
Слѣпымъ—они ни мало не годятся.“
Сказала мать ему въ отвѣтъ.

*

Глупцамъ въ ученьи пользы нѣтъ.

XXVI.

ОТШЕЛЬНИЦЫ.

(Изъ Гольберга.)

Лисица здѣлалась больна
Зубами.
Положено въ совѣтѣ Докторами,
(Такими же звѣрями!)

Чтобъ быть ей безъ зубовъ. И здѣлано; она
По операціи сердечно закручилась.
И наконецъ въ тоскѣ своей рѣшилась
Оставить навсегда мірскія суеты!
И удалилась.
Но не дали покою ей мечты.
Вотъ Обезьяна разъ подругу навѣстила,
И говорила:
,,Утѣшься, не одна ужь ты
Отъ свѣта отреклась.— И я мой другъ, вѣдь тоже,
А кажется лѣтъ пять тебя моложе.
Нѣтъ, полно грѣшницѣ гоняться за мечтой,
Хочу жить въ тишинѣ святой!
И съ той поры, какъ я подагрою страдаю,
Никто о мнѣ, душа моя
Нескажетъ, чтобъ видалъ, гдѣбъ танцовала я.

Такихъ и я отшельницъ знаю!

XXVII.

ТРУБОЧИСТЪ и МѢЛЬНИКЪ.

Однажды Трубочистъ на мѣльницу пришелъ
Дать ржи смолоть. Самъ только что съ работы.
Вотъ мѣльникъ оглядѣвъ, такъ рѣчь свою завелъ,—
Сердясь, что онъ весь въ сажѣ былъ.—,,Ну, что ты?
,,За чѣмъ?"
—Отецъ! . . вотъ ржибъ смолоть мѣшочикъ.—

„Радехонекъ! мы этимъ и живемъ.
„Но ты, послушайка дружочикъ,
„Вотъ въ люди вѣдь идешь,
„А сажи на себѣ не смоешь, не стряхнешь?
„Не знаешь,
„Что ею всѣхъ честныхъ людей перемараешь?
„И пусть бы гдѣ въ селѣ? ты въ городѣ живешь!“
Тутъ Трубочистъ сказалъ въ отвѣтъ, пожавъ плечами,
—Чтожь дѣлать? по родной,
Мараемъ мы равно:— я — сажей; — ты — мукой.

*

Вотъ тожь бываетъ и межь нами;
Одинъ вредитъ хулой;
Другой своей хвалой.

XXVIII.

СОВЫ.

Совамъ соскучилось все по дупламъ сидѣть
И въ темнотѣ скрываться; —
Имъ вздумалось и свѣта посмотрѣть,
И прочимъ птицамъ показаться. —
Назначили и день къ тому —
Въ который тучами небесну твердь обложитъ,
И солнышко свѣтить не можетъ!
Настать желанный день и часъ для нихъ къ сему:

*

Совы изъ дупл! . . . вспорхнули, полетели—

Куда глаза глядѣли! . .
Отъ радости кричатъ—
Въ которой сколько силы было!
И крикомъ ихъ лѣса и долы огласило.
Вотъ, къ нимъ со всѣхъ сторонъ летятъ

И тянутся большой станицей
Родовъ различныхъ птицы.
Слетѣлися . . . . глядятъ,
И вѣрить собственнымъ глазамъ едва хотятъ!
Но скоро, и назадъ
Отъ нихъ гостей собранье скрылось!—
Въ добавокъ къ ихъ бѣдѣ, и небо прояснилось.
И солнца на землю проникнулъ лучь златой.
Совы — не ожидавъ себѣ бѣды такой,
Давай скорѣй лететь домой.
И вновь всѣ по дупламъ усѣлись.

*

Зоилы! . . . рифмачи! я басенку мою
Для васъ пою.
Примите мой совѣтъ. Не думайте казаться
На поприщѣ наукъ. Тамъ ждетъ васъ много бѣдъ.
И не для васъ блистаетъ Феба свѣтъ.
Вамъ лучше въ тьмѣ скрываться.

XXIX.

САМОЛЮБИВЫЙ КРОТЪ.

(Изъ Гольберга.)

Кротъ, встрѣтившись съ Слономъ, сталъ
спрашивать его:
Скажи, мой другъ великій,
Что говорятъ о мнѣ, у Льва, звѣрей владыки?
На это Слонъ въ отвѣтъ:—Не слышно ни-
чего,
И даже тамъ не знаютъ,
Что и Кроты бываютъ.—

XXX.

ПАУКЪ и ПЧЕЛА.

Паукъ съ Пчелою въ споръ вступили,
И мастерство свое хвалили.
„Мое Паукъ ей говорилъ —
Ужъ несравненно мудренѣе!—
Мое полезнѣе,—отвѣтъ Пчелиный былъ,
И потому — мое славнѣе.—

Искуству честь;
Но пользу — надобно искуству предпочесть.-

XXXI.

ВАНИНЪ ПОПУГАЙ.

Любимецъ Ванинъ, Попугай,
Однажды вылетѣлъ изъ клѣтки,
(Знать заперетъ ее забыли невзначай)
И прямо въ садъ, и сѣлъ въ саду на вѣтки.
Кому природа не мила?
И птичка, узъ не зная,
Изъ края въ край летая —
Поетъ — и вѣчно весела!
И Попугай отъ радости чуть дышетъ!
И думаетъ съ собой:
„Не буду я такъ глупъ, какъ прежнею порой:
Пусть сахаръ цѣлою горой
Положенъ будетъ предо мной,
Я не не прельщуся имъ!— Вдругъ слышитъ—
Что Ваня въ садъ вошелъ; онъ къ вѣткѣ при-
корнулъ;
Ванюша на него взглянулъ —
И сахару предъ нимъ не гору, а кусочекъ
На землю положилъ, а самъ онъ прочь пошелъ.
Глядитъ, мой Попугай прельстился . . . захо-
тѣлъ
Еще отвѣдать разъ!— съ сучечка на суче-
чикъ —
На землю соскочилъ! . . .
Но только къ сахару, какъ Ваня цапъ руками,
Его схватилъ,
И вновь бѣдняжечку онъ въ клѣтку посадилъ.

*

Не худо всѣмъ остерегаться,
Чтобъ на приманки не бросаться.—

XXXII.

ПѢВИЦА.

Съ весны — до осени глухой
Синица въ рощѣ пѣла.
Очаровала птицъ собой,
Но тщетно бѣдная хотѣла
Своимъ прелестнымъ голоскомъ
Найти пріютъ, и ободренье,
Кому иному въ прокъ, — а ей не въ пользу пѣнье!
И кончилось на томъ,
Что дарованьемъ быть полезною желая,
Сама отъ голоду и стужи умерла.

Цѣнители ума! къ вамъ басенька была.
За чѣмъ вы,— иногда — таланты ободряя,
Невникните въ судьбу нещастливыхъ людей?
И тѣхъ, пособіе комубъ всего нужнѣй,
Не удостоите улыбкою своей?—

XXXIII.

ВОРОНА и КУРИЦА.

Ворона съ Курицей когда то въ рѣчь вошла:
,,Ты всѣмъ бы хороша подруженька была,
Ворона говорила,—
Да то лишь худо за тобой,
Что ты съ утра до полночи глухой,
Лишь съ жердочки вскочила,
Давай кудахтать и кричать:
Тебѣ бы надобно немного помолчать.

Напрасно милая, меня ты обвиняешь,
Сказала Курица въ отвѣтъ:
Ты день и ночь кричишь, и людямъ докучаешь,
Такъ ты себя исправь,—а тамъ давай совѣтъ.

XXXIV.

ДИТЯ и КОТЕНОКЪ.

Дитя съ котеночкомъ игралъ,
И оба на полу катались.
Родные, глядя, любовались;
Но вдругъ малютка закричалъ—
И бросился котенокъ въ двери.
Сбѣжалися, глядятъ, дитя чуть живъ лежитъ;
Весь глазъ въ крови; какой ужасной видъ—
Для нѣжной матери!—Жалѣютъ о потери.
Служителямъ приказъ: всѣхъ кошекъ отогнать,
И къ дому не пускать.
Какъ видно спохватились!
Но поздно сберегать, когда чего лишились.—

XXXV.

СМОТРИТЕЛИ.

Въ саду былъ виноградъ—который не созрѣлъ,
Лисица и Оселъ
Въ саду смотрителями были.

И подлинно, они такъ этотъ садъ хранили,
Что подойти къ нему никто несмѣлъ,
Проходитъ двѣ недѣли,
И виноградъ ужь долженъ былъ созрѣть,
Пришелъ хозяинъ посмотрѣть;
Ни ягодки!— а весь — Оселъ съ Лисою съ
ѣли!

Не надобноб такихъ смотрителей имѣть.—

XXXVI.

УТЮГЪ и МУНДИРЪ.

,,Пожалуй, перестань стучать по мнѣ, мой
другъ!
Однажды Утюгу сказалъ Мундиръ сердяся:
Ты видишь, я готовъ; мнѣ вовсе недосугъ.
Что за привычка завелася
Всегда задерживать, стучать?
Не хочешь ли мое ты золото отнять,
Которымъ я къ себѣ вниманье привлекаю?,,
Твою неопытность я извиняю,
Сказалъ въ отвѣтъ Утюгъ.
Когдабъ глаза имѣлъ, увидѣлъ бы мой другъ,
Что я стуча, тебѣ добра желаю—
И что измято — выправляю.

XXXVII.

КОНЬ и ОСЕЛЪ.

Оселъ съ Конемъ разъ—встрѣтился дорогой;
А конь ученый былъ и мастерски скакалъ.
Замѣтивши прыжки, Оселъ ему сказалъ:
Къ чему кривляться другъ мой, много?
Ты на меня бы поглядѣлъ,
Перенималъ бы, какъ я шелъ.

Глупцы себя другимъ примѣромъ постав-
ляютъ,
Хоть сами ничего не знаютъ.—

XXXVIII.

КУКУШКА.

Кукушка въ рощицѣ сидѣла,
И слыша пѣсни разныхъ птицъ,
Дроздовъ, Малиновокъ, Синицъ,
Вдругъ захотѣла
Запѣть подобно имъ,
Задумала, запѣла:
Все смолкнуло въ лѣсу мгновеніемъ однимъ,
И новому пѣвцу внимаетъ!
Какушка видя разсуждаетъ:
—Конечно голоскомъ я всѣхъ плѣнить могла?
Ахъ! какъ же я глупа была
Что столько времени молчала?
Давнобѣ мнѣ надо пѣть!—и пуще закричала.
Минута не прошла,
Всѣ птицы съ бранью закричали:

„Прочь, прочь отъ насъ скорѣй, чтобъ мы и не слыхали
Такой нескладицы, какую ты несешь.
Ты слухъ терзаешь, не поешь.

*

И этожъ иногда у Авторовъ найдешь.

XXXIX.

ЦВѢТЫ.

Въ пріятны лѣтни дни,
Въ покоѣ, на окнѣ цвѣты стояли,
Когда цвѣли они,
Всѣхъ взоры привлекали!
Увяли —
И болѣе никто не поглядитъ на нихъ!

*

Любимецъ щастія! собою не гордися,
Страшися
Судьбины ихъ.

XL.

ДУБЪ и КЛЕНЪ.

Въ долинѣ какъ атлантъ, былъ Дубъ большой, высокой.
Отъ Дуба недалеко
Росши сталь Кленъ.

Съ начала говорятъ. какъ былъ посаженъ онъ,
То такъ былъ тонокъ, малъ — какъ будто бы
тростинка.
Вотъ рѣзвитсяль зефиръ въ долинѣ межь
цвѣтовъ,
Дотронется его, — онъ гнется, какъ тра-
винка.
А если иногда Борей откроетъ зѣвъ —
Кленъ на землю ложился.
Проходитъ нѣсколько годовъ,
Кленъ толще и сильнѣй, все выше стано-
вился.
А наконецъ и съ Дубомъ онъ сравнился.

*

Такъ дарованіе цвѣтетъ,
И зрѣя возрастетъ.—

XLI.

КАРЕТА и КОЛЕСА.

,,Ну, братцы, нѣкогда колеса говорили
Другъ другу межь собой;
Не станемъ впредь носить тотъ домикъ
золотой,
Который носимъ мы и столько лѣтъ носили.“
И положили,
Чтобъ домикъ больше не носить.
Но чтожъ? лишь лошадей четверку заложили,
Господъ на балъ свозить,
Лишь кони въ бѣгъ пустились,
Колеса закружились!

А домикъ — тутъ же все; — и удержать хо-
тятъ,
Но силой кони мчатъ,
И — силѣ покорились.

XLII.

МУХА и КОМАРЪ

„Дивлюсь тебѣ, мой другъ, стыда совсѣмъ
не знаешь, —
Такъ муха комару однажды говоритъ: —
„Ты никого не уважаешь;
И всѣхъ, кто попадетъ, кусаешь.
Вотъ я. . . никто меня за то не побранитъ.“
— Себя не извиняю! —
Комаръ на то въ отвѣтъ;
Но отъ чего и ты скромна, я также знаю: —
За тѣмъ — что жала нѣтъ.

XLIII.

КОШКА.

(Изъ Гольберга.)

Хвалиться иногда породою своей
Обычай есть — и у людей.
И Кошка нѣкогда вотъ также поступила.
Она знакомымъ говорила:
„Я всѣхъ знатнѣе васъ, друзья!
Прабабушка моя

Была не Кошка, Львица,—
А вы вѣдь знаете, она была Царица
Я Льву родня." тутъ Слонъ сказалъ въ отвѣтъ:
Пускай знатна твоя порода,
Согласенъ; слова нѣтъ!
Но сколько знатныхъ есть у всякаго народа?
Такъ не гордись,
А добрымъ дѣломъ похвались!

XLIV.

КРОТЪ и ПЧЕЛА.

Кротъ встрѣтился съ Пчелой и съ нею въ
рѣчь вступилъ.
Но пусть бы говорилъ о дѣлѣ!
Онъ — о цвѣтахъ судилъ!
И вздору тьму на говорилъ.
Но чтожь Пчела?—взвилась и прочь отъ пу-
стомели.
Ахъ! сколько есть людей
Похожихъ на него болтливостью своей.

XLV.

ЛИСА ВЪ БѢДѢ.

(Изъ Гольберга)

Въ весенній тихій день,
На бережку рѣки и свѣтлой и глубокой,
Надъ коею древесна тѣнь
Распространялася далеко,
Лисица уду подняла.

Лиса на выдумки всегда хитра была.
—Дай рыбы наловлю,—Лисица разсуждаетъ,
А рыба передъ ней— въ водѣ такъ и играетъ!
Ужь будто трудно рыбъ ловить!
И уду въ воду опустила.
Но чтожь? случись тутъ щукѣ быть:
Зубами уду ухватила!
Давай Лиса ее тащить;
А щука все къ себѣ тащила!
И какъ послѣдняя была вдвоемъ сильнѣй,
То хитрая Лиса невольно въ токъ тащилась.
,,Юпитеръ! помоги скорѣй!
Лиса взмолилась,
,,Погибла я!"
Но вдругъ терновый кустъ лисица увидала.
И уцѣпилася.—,, Теперь — она сказала—
Юпитеръ, не нужна услуга мнѣ твоя.,,

Такъ многіе въ бѣдѣ къ молитвамъ прибѣгаютъ;
Бѣда пройдетъ, все забываютъ!

XLVI.

ЛОШАДЬ и КЛЯЧА.

Однажды Лошадь, въ зимнюю пору,
Тащилась въ гору.
Дорога скользкая! лишь ступитъ шагъ,
Опять назадъ подастся.
Ахъ! Ахъ!
Тебѣ до утра не взобраться!—
Клячонка сверьху говоритъ:—
,,Ну еслибъ я была?— ябъ мигомъ затащила.,,
—Посмотримъ! — Лошадь возразила —
И силы всѣ собравъ, на верьхъ горы взошла.

Вотъ кляча подъ гору въ долину —
Спускаться начала
И какъ? шарашится, вытягиваетъ спину;
И раза два ступивъ—ужъ на боку лежитъ!
Ногами по льду шевелитъ.—
Съ трудомъ съ земли кляченка встала,
И такъ оправдываться стала:
„Хоть я упала,
„Но въ этомъ не моя вина!„
Да ктожь?— гора! за чѣмъ во льду она?"

XVII.

ТИГРЪ.

(Изъ Гольберга.)

При смерти Тигръ на небо вопіялъ,
Что менѣе живетъ онъ Вороновъ, Оленей.
Зевесъ на это отвѣчалъ:
Твои напрасны пѣни!
Ты столько зла на свѣтѣ причинялъ,
Что десять лѣтъ еще — тебѣ жить надобъ менѣй!

XLIII.

ЧЕРЕПАХА и РАКИ

Въ одной рѣкѣ,
На днѣ, въ пескѣ,
Семейство Раковъ поселилось.
Тутъ Черепахѣ быть случилось:
Смотря на нихъ —

Какъ ползаютъ они; однажды имъ сказала:
Не стыдноль такъ ходить?
Смѣшнѣе ничего я съ роду не видала.
Учить бы васъ, учить.
„Ты въ насъ порокъ находишь,
Сказалъ ей старый ракъ, а какъ сама ты
ходишь?

XLIX.

ВОЛКЪ.

Два раза Волкъ былъ пойманъ въ преступленьи,
Но все по милости друзей,
Онъ получалъ прощенье.
Дай сдѣлаю еще! сталъ думать Волкъ — злодѣй;
И сдѣлалъ вновь. Но что же?
Его друзья
Хотя и въ третій разъ помочь ему старались,
Но всѣ старанія безъ дѣйствія остались:
Волкъ осужденъ на казнь. — „О, еслибъ я,
Онъ говорилъ, вздыхая,
О еслибъ я — наказанъ прежде былъ! —
Теперь бы казнь не заслужилъ.

*

И въ наказаніи есть польза, и большая,
Тому, кто могъ забыть,
Что наказаніе постыдно заслужить. —

L.

ВАСИЛЕКЪ.

Прелестный Василекъ на грядку посадили.
Садовникъ Климъ его стерегъ,
Какъ правый глазъ его берегъ,
Но, какъ ни берегли, а все не сохранили!
Цвѣтокъ увялъ;
Садовникъ барское веленье исполняя
Хоть въявь его отъ всѣхъ растѣній *защи-
щалъ;*
Но въ тай вредилъ: *не поливалъ.*

LI.

ЗВѢРИ УЧИТЕЛИ.

Лиса и Волкъ въ одномъ лѣсу учили,
Смиренно говорили:
Что ближнихъ обижать великій грѣхъ!
Однажды, какъ на смѣхъ
Тутъ мимо ихъ баранъ промчался.
Волкъ извинясь, за нимъ слѣдкомъ,
Лиза за Волкомъ, и потомъ—
Лишь за Барана Волкъ принялся,
Лиса сказала: нѣтъ! постой.
Добычей подѣлись со мной.
Чтожь? нехотя дѣлить другъ на друга на-
пали —
И перегрызлися.

Такъ звѣри поступали,
О людяхъ также не суди
По ихъ словамъ, а огляди.

LII.

КОТЪ и МЫШИ.

„Къ чему друзья, вы ссоритесь со мною?—
Котъ Васька говорилъ Мышамъ;—
„Не лучшель помириться намъ,
И заключить на вѣкъ союзъ между собою?
А я васъ болѣе не стану обижать.
Когда же вамъ бѣда случится,
Какъ братьевъ стану защищать!
Ужь какъ — тутъ мира не принять?
Вотъ мыши собрались; идутъ къ Коту мириться;—
Пришли.
И только объяснить статьи ему успѣли,
Котъ вдругъ—давай душить. Немногіе ушли
Назадъ: которыя — уйти же не успѣли,
Достались Васькѣ на обѣдъ.—

Мириться со врагомъ коварнымъ пользы нѣтъ.—

LIII.

РЫСЬ ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

Въ звѣринецъ Рысь попалась,
И зависть межъ звѣрей
За нею въ слѣдъ закралась;
Въ звѣринцѣ только и рѣчей:
„Смотри, что зажитье здѣсь ей!
„Ей жизнь не хуже рая.

*

„Оселъ Лисицѣ говоритъ:—
„Дивлюсь, за чтобы честь такая?
„За toли, что она не здѣшняя, чужая?
„Вотъ мы;—какъ Господамъ не стыдъ!—
„Я день и ночь тружуся въ полѣ.
„А ты Лиса . . . не въ лесть тебѣ здѣсь молвлю я:
„Ты противъ ста Рысей ума имѣешь болѣ!
И ты же здѣсь Смотритель и судья . . .
„Но столько ли насъ баре почитаютъ?
„Ни чести, ни стыда не знаютъ.“
На Баръ въ слухъ не пѣняй,
Лиса Ослу въ отвѣтъ: однакожь другъ мой знай,
Я здѣлаю, что Рысь не заживется.
Я доведу своимъ умомъ,
Что Рысь съ большимъ себѣ стыдомъ
Отсель въ свояси уберется.“
Глядятъ —
Все такъ и здѣлалось, какъ Лисанька сказала,
Рысь безъ вины, но не угодна стала.
Ступай назадъ!
Бѣда, когда Лисѣ дадутъ звѣринцемъ ладить,
Ума достанетъ въ ней на все: сложить и счесть;
Концы съ концами свесть,
И плутни всѣ загладить.—

LIV.

ЦВѢТОКЪ.

Весною,
Между колючею, пустынною травою,
Цвѣточикъ выросталъ,—
Но чтожъ? лишь только распустился,
Нашла гроза - изъ тучи градъ упалъ,
Цвѣтокъ поникъ къ землѣ—и межъ травою
скрылся.
Случалось, смерть пѣвца брала—
Во цвѣтѣ лѣтъ, тогда, какъ слава въ храмъ
вела.—

LV.

ЗМѢЯ.

Ужалила крестьянина змѣя.
Безъ наказанія однакожъ не осталась!
Пришла зима — она еще скиталась,
Не стало норъ для ней—кудабы ни совалась!
Взмолилась и змѣя: „Творецъ! погибла я!
„Ахъ, сжалься надо мною!
„Мнѣ смерть пришла.
Открой, гдѣбъ я пріютъ найти себѣ могла,
Спастись отъ гибели зимою.“
Отвѣтъ Зевеса былъ:—Терпи, за то что зла.—
*
Друзья — учитесь!
И наказанія Создателя страшитесь.

LVI.

СКАЧКА.

Однажды привели на скачку двухъ коней.
Я одному для различенья—
Дамъ имя *Буцефалъ;* другой — пускай *Пегасъ,*
Но этотъ конь не тотъ, что рыщетъ на Парнассъ.
Летать—въ немъ не было умѣнья!
Пегасъ былъ молодъ, бодръ, легокъ, красивъ собой.
И въ бѣгѣ равенъ былъ съ пущенною стрѣлой,
А конь другой,
Былъ толстъ, сутуловатъ, старѣй тремя годами
И равенъ былъ во всемъ съ иными лошадями.
Насталъ для скачки часъ,
Пустили въ бѣгъ ихъ. Нашъ *Пегасъ*
На трехъ шагахъ взади соперника оставилъ,
Потомъ,
Замѣтя непроворство въ немъ,
Задумалъ нѣжиться и бѣгъ свой поубавилъ,
Безпечно и легко бѣжалъ,
А *Буцефалъ*
Чтобъ съ нимъ сравниться,
Всѣ силы напрягалъ въ пути,
Но вотъ и мѣта къ нимъ близка ужъ становится,
Шаговъ не болѣ двадцати.
Пегасъ, чтобъ назади соперника оставить,
И славу своему хозяину доставить —
Пустился въ рысь; прыгнулъ, спотнулся и упалъ.

Соперникъ же его симъ пользуясь мгновеньемъ
Опередилъ его, и къ мѣтѣ прискакалъ.

Трудъ осмотрительный всегда торжествовалъ.

LVII.

ШВЕЯ.

Швея весной въ лужокъ цвѣточковъ рвать ходила.
И наклонясь иголку обронила.
Задумалась швея! и какъ не горевать?
Игла была одна, и эту потеряла.
Другую же купить?— такъ денегъ было мало!
Пришло сидѣть, не вышивать.
Подружки стали бы смѣяться!
Идти въ травѣ ее искать?
Напрасно нечего и времени терять.—
Однакоже швея рѣшилась попытаться.
И какъ же щастлива была?
Иголки правда, не нашла,
За что въ травѣ алмазъ безцѣнный подняла.

На басенку ссылаться буду:
Не всякая потеря къ худу.

LVIII.

КУМЪ.

Дивлюся я тебѣ Лука!
Сказалъ сосѣдъ Пахомъ, ужель ума не стало?
Что управляющимъ ты принялъ дурака.
Какъ глупъ! подобнаго и въ свѣтѣ не бывало.
Гдѣ былъ твой умъ?
Ахъ мой родной, да онъ мнѣ кумъ.
И мой совѣтъ: кто хочетъ постараться,
Въ дѣлахъ успѣхъ имѣть.
На кумовство не полагаться,
А на достоинство смотрѣть.

LIX.

СОБАКА и ОСЕЛЪ.

Собака и Оселъ
Свели пріязнь между собою.
И глупаго Осла Песъ любитъ всей душею!
Съ нимъ вѣкъ бы жить хотѣлъ.
Хозяинъ пса любилъ за важную услугу,
Со своего стола кормилъ его, поилъ;
Но льзя ли щастіемъ не поступиться другу?
И песъ все щастіе свое съ Осломъ дѣлилъ.
Хозяинъ псу опредѣлилъ
На ночь охапку сѣна —
Чтобъ было мягче спать ему,
А тотъ давалъ его все другу своему.
Прошла зима, случилась перемена:
Хозяинъ кончилъ дни; въ имѣнье сынъ
вступилъ,

Онъ милости перемѣнилъ,
И ужь не пса, Осла любилъ;
Осель увидя перемѣну
И самъ не захотѣлъ знать друга своего.
Песъ съ ласкою къ нему, а этотъ отъ него!
И наконецъ сказалъ: „ ты другъ мнѣ былъ — по сѣну!
Теперь мнѣ въ сѣнѣ нужды нѣтъ,
Сказалъ, и прочь идетъ.

Достойная за дружбу плата,
Коль станетъ кто считать Осла себѣ за брата.

LX.

УРОКЪ СУДЬѢ.

Бобръ былъ у Льва Секретаремъ.
Писцами за его столомъ
Одни Ослы сидѣли.
Вотъ просьба на Коня къ нимъ поступила въ судъ.
Истецъ Оселъ — всѣмъ сватъ, и на лицо былъ тутъ.
Отвѣтчикъ не вставалъ съ соломенной постели.
Давай судить! въ три дни рѣшили.
И разумѣется, что лошадь обвинили.
Оселъ писалъ. Оселъ скрѣпилъ,
А добрый Секретарь и руку приложилъ.
Конь подалъ въ вышній судъ; тамъ иначе рѣшили

Судей смѣнили.
Истецъ Оселъ—штрафъ заплатилъ.

Урокъ! чтобы судья впередъ умнѣе былъ.

LXI.

ЖЕНЩИНА, ИГЛА и НОЖНИЦЫ.

Игла и ножницы другъ съ другомъ врядъ лежали,
И вздумалось имъ разговоръ начать:
,,Когда судьбой дано вамъ щастіе лежать
Со мною, ножницы сказали,
Хотѣлось бы мнѣ знать,
Какую пользу доставлять,
Вы можете собою?—
Вотъ я, мнѣ все равно,
Я все искусно раздѣляю,—
Тому, кто обладаетъ мной
Я деньги, славу доставляю.—
,,Равняться не могу съ тобой,—
Игла въ отвѣтъ сказала,
Но у меня заслугъ не мало,
И я хотя мала, однако я нужна,
И все, что рѣжешь ты, я съ ниткой исправляю.
Постойте, говоритъ вамъ болѣ запрещаю,
Сказала женщина; ни ты и ни она —
Не можете успѣть собою.
Полезны вы—моей рукою,
И я — всѣхъ вашихъ дѣлъ вина.

LXII.

МИЛОСТЬ БОГАТЫХЪ.

Сказка изъ Гольберга.

Лизета много лѣтъ и въ крайности жила,
„Создатель! нѣкогда Лизета разсуждала.
„За чѣмъ я въ бѣдности на свѣтъ произошла?
„О, еслибъ я богатою была?
„Тогдабъ не такъ я поступала.
„Нѣтъ, деньгибъ я употребляла
„На пользу ближняго. Я сталабъ помогать
„Всѣмъ бѣднымъ. Я—для нихъ—былабъ вторая мать.
И въ скоромъ времени случилось:
Судьба ея перемѣнилась.
Лизета сдѣлалась богатой госпожой.
Однажды къ ней—
Въ раздранномъ рубищѣ больная,
Согбенная подъ тягостію лѣтъ,
Приходитъ женщина. Лизета слезы льетъ....
Потомъ взоръ къ небу устремляя
Велитъ подать скорѣй —
Кусокъ гнилаго хлѣба ей.

Вотъ — милость богачей!

LXIII.

СОБАКА и ОБЕЗЬЯНА.

У Полносумова въ числѣ другихъ скотовъ
Была собака съ обезьяной
Собака стерегла дворъ ночью отъ воровъ;
Мартышка прыгала при баринѣ въ диванной.
Но чтожъ за службу имъ? Собакѣ кости въ
честь.
А часто бѣдная и голодна и бита;
Мартышка же — по горло сыта,
Кусочикъ сахарной всегда изволитъ ѣсть.

Не жалколь, что шутовъ нерѣдко отличаютъ,
Когда заслугу забываютъ.

LXIV.

ЕЗОПЪ и ОСЕЛЪ.

,,Езопъ! ты ни стыда ни совѣсти незнаешь,
Что здѣлалъ я тебѣ? за что меня ругаешь,
И хуже всѣхъ считаешь?"
Такъ, встрѣтившись Оселъ Езопу говорилъ.
,,Не жди, чтобъ я тебѣ польстилъ!—
Отвѣтъ Езопа былъ, —
Но если хочешь, чтобъ — хвалилъ,
Скажи, что смыслишь ты? — тутъ уши
опустилъ
Оселъ, и прочь пошелъ.—

Езопу подражайте
И похвалой осламъ — себя не унижайте.

LXV.

СЕЛЯНИНЪ СЪ СЫРОМЪ

У поселянина былъ съ сыромъ поставецъ
Онъ сберегалъ его въ чуланѣ;
И думалъ сыръ продать, ждетъ — прибыли
въ карманѣ,
А мышь почуя сыръ, глядитъ, и наконецъ—
Юркнула въ поставецъ, засѣла,
И сыру нѣсколько поѣла.
Сталъ думать Селянинъ, какъ горю по-
собить?
И вздумалъ кошку посадить!
Сибирскую сажаетъ.
,,Теперь голубушка! — крестьянинъ разсу-
ждаетъ—
Тебѣ ужь миновалась честь!
Не станешь больше сыра ѣсть"
Проходитъ ночь, и разсвѣтаетъ.
Вотъ поселянинъ нашъ осматривать идетъ!
Глядитъ, и мыши точно нѣтъ;
Но съ ней и сыръ изчезъ, — какъ будто не
бывало!
Не мышь,—такъ кошка докончала.

*

Съ неосторожностью одной бѣды минемъ,
Въ другую попадемъ.—

LXVI.

НОВЫЙ ХОЗЯИНЪ.

Былъ садъ, прелестный садъ,
Пріятно было въ немъ весною
Гулять подъ тѣнію густою,
Но вдругъ хозяинъ смертью взятъ.
И все перемѣнилось:
Наслѣдникомъ во всемъ сталъ сынъ его большой.
Садъ первый испыталъ собой —
Его нравъ странный и крутой.
На половину въ немъ деревьевъ уменшилось.
Въ числѣ же срубленныхъ, Дубокъ былъ молодой
Кудрявой и высокой;
Онъ тѣнь свою раскидывалъ далеко.
Съ весны и лѣто все до осени глухой,
Гуляющимъ давалъ прохладу и покой.
Сидѣть въ тѣни его любили;
Но не смотря на то его не пощадили.
Срубили.
А для чего?
Такъ захотѣлося хозяину его.

О своенравіе, ты признакъ сердца злаго,
Для прихоти своей—ты не щадишь другаго.

LXVII.

ВАСИЛЕКЪ, КРАПИВА и ПРОХОЖІЙ.

Подъ ивой
Между колючею крапивой
Прекрасный Василечикъ цвѣлъ.
Симь мѣстомъ путникъ шелъ
И видя Василекъ у ивы
Хотѣлъ сорвать его:
Но чтожe? лишь рукой коснулся до него,
Какъ вдругъ всѣ стебельки крапивы
Пустилися его кусать.
,,За чѣмъ кусаетесь?" ихъ путникъ вопрошаетъ:
—Не Василекъ тебѣ, а насъ бы надо рвать!
Одинъ изъ стеблей отвѣчаетъ.—

Я на завистниковъ боюся указать.

LXVIII.

СОВѢТЪ КЪ СЧАСТІЮ

Лисицу спрашивалъ Оселъ,
Какъ до честей добиться.
(Онъ въ службу ко двору вступить тогда хотѣлъ,
И потому вѣдь надобно спроситься)
— Когда ты хочешь тамъ служить,—
Лиса въ отвѣтъ сказала—
Вотъ мой совѣтъ: сначала
И малымъ и большимъ старайся угодить,

Потомъ когда начнешь повыше подниматься,
Замѣтилъ кто въ чести,— столкни! . . . . . че-
го бояться?
Все лѣзь, да лѣзь... успѣешь вверьхъ подняться. —

LXIX.

ТЕРНОВНИКЪ.

(*Изъ Гольберга.*)

Терновникъ жалобу Зевесу приносилъ
И говорилъ:
„Создатель, сжалься надо мною!
Въ презрѣньи я у всѣхъ съ наружностью худою.
Перемѣни мой видъ.“ — Отвѣтъ Зевеса былъ:
— Умолкни; видъ твой схожъ съ тобою.—

LXX.

ТЕЛЯТЫ и ОЛЕНЬ.

(*Изъ Гольберга.*)

Оленю разъ смѣялися Теляты
За чѣмъ онъ былъ рогатъ?
Въ отвѣтъ Олень сказалъ: отецъ твой, дядя, братъ,
И скоро сами вы тожъ будете рогаты.

LXXI.

СТАРУШКА ВЪ БОЛѢЗНИ.

(Изъ Гольберга.)

Старушка въ девяносто лѣтъ
Болѣзнью тяжкою страдала.
И часто смерть къ себѣ на помощь призывала.
Но смерти все ей нѣтъ!
„Пусть люди, но и смерть меня уже забыла!"
Старушка говорила.
Чѣмъ больше жить, тѣмъ все грустнѣй.„
А смерть какъ тутъ предстала къ ней.
— Кто звалъ меня? она спросила:
Не ты ль?— кто? я?—
Старушка въ страхѣ возразила;
Я и не думала голубушка моя
Лишаться свѣта.
Такія ль мои лѣта!

LXXII.

ЛИСА и ГІЕННА

Лиса съ Гіенною разъ дружество свела
И, надобно признаться,
Ужь пара ихъ сошлась! . . Одна другой была
На вымыслы хитрѣй. Въ курятникъ ли забраться,
Или барана гдѣ изъ стада подцѣпить:

Лишь стоитъ имъ за дѣло взяться,
Умѣютъ смастерить! . .
Новоть что сдѣлалось (чегожь и ждать тутъ должно?)
Лиса съ подругою ужь такъ неосторожно,
Такъ начали грѣшить и лапы запускать,
Что всѣ о плутняхъ ихъ узнали,
И наконецъ — обѣихъ вдругъ поймали,
А за убытки шкурку сняли.

*

И по дѣламъ! — вѣдь надобножъ сказать,
За плутни — добраго нельзя и ожидать.

LXXIII.

СОРОЧІЙ БРЕДЪ.

Зимою съ позаранья,
Къ крестьянину во дворъ сорока забралась,
И стала стрекотать; крестьянка же Маланья
Отъ сна лишь встала, и крестясь
Идетъ во дворъ и слышитъ
Сорочій крикъ,
И въ избу со всѣхъ ногъ бѣжитъ; чуть дышетъ!
,,Старикъ! старикъ! —
Кричитъ она, — до коихъ поръ спатьстанешь?
,,Ты спишь, не взглянешь,
,,Сорока во дворѣ у насъ! — кричитъ съ утра!
Гостей какихъ-то къ намъ Создатель посылаетъ! —

Недаромъ мылся котъ вчера,
И онъ вѣдь будущее знаетъ!
Сбериська въ городъ ты — того, сего привесть,
Но мужъ молчитъ.— Да вставь; и мужа раз-
будила —
Чтобъ было что у ней гостямъ попить, по-
ѣсть;
Послушалъ мужъ, навезъ, жена пекла, варила,
И наконецъ обѣдъ порядочной срядила,
Одѣлась, и къ окну на лавку сѣла, ждетъ;
Ждетъ незваныхъ гостей; глазъ съ улицы
не сводитъ.
Но нѣтъ! никто къ нимъ въ домъ не ѣдетъ
и нейдетъ;
А вотъ, и вечеръ ужь приходитъ,
Гостей все нѣтъ!
,,Такъ сами у себя пускай мы гости будемъ,
Жена сожителю съ досадой говоритъ;
Сорока жь пусть впередъ—какъ хочетъ такъ
кричитъ
Примѣтамъ вѣрить позабудемъ!

LXXIV.

ЧИЖЪ и ЗЯБЛИЦА.

Въ весенній день,
Лишь солнце изъ за горъ показываться стало,
И мрачну тѣнь
Съ луговъ, долинъ, съ полей лучами прогоняло,
Вдругъ Зяблица къ Чижу кричитъ:
,,Сосѣдъ, лети ко мнѣ, и станемъ пѣть съ
тобою.
*

Смотри, прекрасный день!—почтимъ его хвалою!
„Нѣтъ, рано!— Чижь въ отвѣтъ сосѣдкѣ говорилъ.
—Ну кто поетъ теперь столь раннею порою?—
—Ужь такъ! . . . ты никогда не хочешь вмѣстѣ пѣть!—
Но что мнѣ на тебя смотрѣть? . . .
Запѣла.—
Откуда буря ни взялась,
И прямо къ Зяблицѣ въ ту сторону неслась.
Все стихло, вскорѣ зашумѣло:
Все клонитъ, и валитъ,
Иль въ верьхъ поднявши мчитъ;
Вотъ въ воздухѣ взгремѣло! —
И — съ ревомъ буря въ мигъ разверзлася надъ ней.
Ударилъ дождь съ пресильнымъ градомъ:
Все пало; Дубъ и Трость упали вмѣстѣ рядомъ,
Левкой съ крапивою, съ фіалкою шалфей.
Но разъяснѣло вновь, воспѣли птицы снова,
Пастухъ изъ мирна вышелъ крова,—
Цвѣточки разлили по всюду запахъ свой,
На небѣ нѣтъ ни тучки болѣ,
Лишь Зяблицы не видно въ полѣ. . .
Вдругъ Зяблица, летитъ, летитъ,
Крыломъ на силу шевелитъ,
И на кусту едва дышала.
Потомъ оправясь, такъ сказала:
Благоразумнѣе мнѣ должно быть впередъ,
И день тогда хвалить какъ ночь уже придетъ.—

LXXV.

ДУБОКЪ.

У бездны межъ скалами,
Между колючею и дикою травой,
И вкругъ пустынными лѣсами,
Дубъ появился молодой;
Сначала тонкою тростинкой поднимался,
Потомъ чрезъ сколько лѣтъ незнаю, онъ сравнялся
Съ деревьями, и наконецъ дубъ сей
Вершиною своей
Одинъ надъ лѣсомъ величался.—
Терпѣньемъ и бѣднякъ до славы добивался.

LXXVI.

КОМАРЪ и МУХА.

Попалась въ паутину Муха.
Комаръ давай трунить надъ ней:
„Туда тебѣ и слѣдъ воструха!
Другіе будутъ поумнѣй;—
Такъ говорилъ онъ ей:
Но только престалъ смѣяться,
Какъ мальчикъ хвать его рукой!
Не пискнулъ мой Комаръ. А Муха той порой
Успѣла сѣть прорвать и прочь убраться.

*

Бѣда—чужой бѣдѣ смѣяться.—

LXXVII.

КАЧЕЛИ.

Случилось о Святой недѣли:
Настроивъ круглыя качели
Ихъ начали вертѣть;
Нашлись охотники въ качеляхъ посидѣть,
То къ верьху поднимались,
То къ низу опускались,
И лишь поднялся въ верьхъ, готовъ будь въ низъ летѣть.—
Мы опытомъ узнать умѣли,
Что участь нашихъ дней походитъ на качели.

LXXVIII.

СКВОРЕЦЪ.

(въ Альбомъ Г. В. Лихачова.)

Летѣлъ зимой Скворецъ;
Иззябъ, усталъ, чуть живъ; не зналъ гдѣ прiютиться.
Хоть умереть ему приходитъ наконецъ!
Ахъ! вотъ ужь и лежитъ! . . . и чуть, чуть шевелится.
Что будетъ съ нимъ? . . друзья, не должно унывать
Есть Богъ у насъ!— и Онъ спѣшитъ намъ помощь дать!

Вотъ путникъ мимо шелъ и взялъ Скворца съ собою,
Укрылъ и далъ пріютъ и помирилъ съ судьбою.

LXXIX.

ССОРА ЗВѢРЕЙ.

Дрался съ Собакой Волкъ.—
Клочки ихъ шерсти вкругъ летѣли.
Конь долго со Слономъ на драку ихъ глядѣли.
„Ну кто бы думать могъ,
Чтобъ подрались они между собою?
Ихъ нравы такъ сходны!" Тутъ Слонъ сказалъ Коню:
Да сходство — то и ссоры ихъ виною!—
А Конь въ отвѣтъ: за это и браню!

*

Я басенку мою и къ людямъ примѣню:
Примѣры многіе видаемъ,
Съ кѣмъ надобъ въ дружбѣ жить, съ тѣмъ во враждѣ бываемъ.

LXXX.

ПѢТУХЪ и МАЛЬЧИШКА.

Пѣтухъ большой, Индѣйскій,
Въ весенній, теплый день по улицѣ гулялъ
И на показъ свою особу выставлялъ.
Одинъ шалунъ, мальчишка деревенскій,

Давай надъ Пѣтухомъ смѣяться и шалить.
— Я научу меня сердить!
Сказалъ Пѣтухъ, и въ слѣдъ за нимъ пустился.
Мальчишка отъ него бѣгомъ, но оступился,
Упалъ, ушибся.
Тогда Пѣтухъ остановясь сказалъ:
Онъ глупъ—и самъ себя за дерзость наказалъ.

LXXXI.

РЫСЪ.

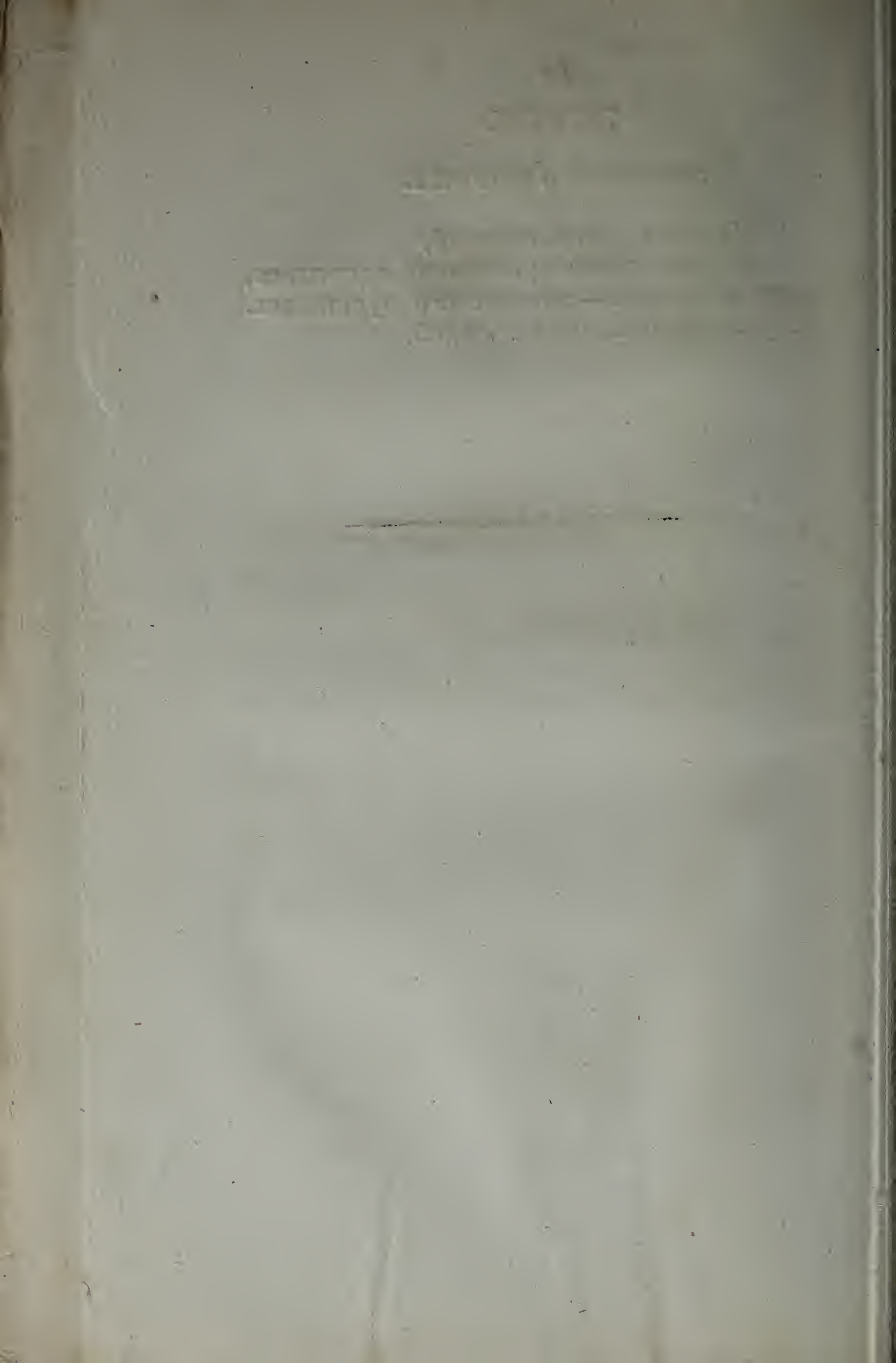
(Изъ Гольберга)

Рысь много лѣтъ въ лѣсу надсмотрщикомъ была.
И званіе свое не даромъ занимала;
Она порядокъ такъ вела,
Что спуску никому нимало недавала,
И всякаго себя бояться заставляла.
Однажды Волкъ злодѣй
По личной ненависти къ ней
Ей вышибъ глазъ; всѣ звѣри
Узнавши объ ея потери
Въ тай веселилися. „Ну, ей не углядѣть,
Теперь за нами,“—
Пошла молва между звѣрями.—
„Ей мѣста этаго ужь больше не имѣть.“
Узнавъ о сихъ словахъ имъ Рысь въ отвѣтъ сказала:
— Пускай болтаютъ, что хотятъ,
Кривые лучше углядятъ!
И правду словъ своихъ— на дѣлѣ доказала.

LXXXII.

СОЛОВЕЙ и ВОРОНА.

Пѣлъ въ рощѣ соловей,
Ворона слушала; невольно, а дивилась,
Умолкнулъ, и она — хулить его пустилась.
Черта завистливыхъ людей.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

Посвящаются Его Высокопревосходительству

АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ

ШИШКОВУ

Крестьяниномъ
Михайломъ Сухановымъ.

ПѢСНИ.

I.

ВѢРНОСТЬ.

Давно красавица стемнѣло,
А ты еще сидишь!
Свѣча почти ужь догорѣла,
Но ты не поглядишь.

*

Заря съ востока занялася,
Румянитъ неба сводъ!
Ужь мгла ночная разошлася;
Въ мигъ солнышко взойдетъ.

*

—И скоро, дѣвица, родные
Пробудятся отъ сна...
Или сосѣдушки лихіе
Замѣтятъ у окна.

*

—Начнутся толки о дѣвицѣ;
Начнутъ шептать тайкомъ:
Что видѣли тебя въ свѣтлицѣ
До утра подъ окномъ.

*

Боюся, дѣвица боюся
Я брани за тебя.
Родная свѣдаешъ, страшуся!
Погубишь ты себя!

*

„Я небоюсь, она сказала,
„Для друга все стерплю!
„Ему ширинку вышивала,
„Пусть знаетъ, какъ люблю!“

II.

Ахъ! не даромъ у меня,
У дѣвицы,
Онамедни, какъ сбиралась
На бесѣду,
Со головушки златая
Повязь спала;
Ахъ, не даромъ мнѣ приснилося
Дѣвицѣ,
Что мое кольцо златое
Почернѣло;
Все сбылося! ужь не стало,
Мила друга!
Какъ одинъ на ясномъ небѣ
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Такъ одинъ былъ у дѣвицы
Другъ сердечный,
Но меня здѣсь сиротою
Онъ покинулъ,
Какъ полынью, отравилъ онъ
Мою младость!

III.

Красна дѣвица сряжалась въ хороводъ,
А подружки дожидались у воротъ.

*

Повязь съ лентою была у ней въ рукѣ.
Рѣчь у сестръ зашла о Соцкаго сынкѣ.

*

„Да, онъ нынѣ — говоритъ одна сестра,
„Скоро женится. Сговоръ ужь былъ вчера.

*

„Я узнала,— тутъ другая говоритъ,
„Что жемчужной онъ уборъ ей подаритъ."

*

Лишь рѣчь кончили вести о молодцѣ,
Блѣдность кинулась у дѣвицы въ лице.

*

Испугалась; потупила въ землю взглядъ.
У красавицы— изъ рукъ упалъ нарядъ.

*

„Мнѣ неможется.— головушка болитъ:
Тихо дѣвица сквозь слезы говоритъ.

*

„Вы идите въ лугъ сестрицы, я больна,
Я остануся здѣсь въ теремѣ одна.

*

Успокоюсь; пусть болѣзнь моя пройдетъ.
И оставшись — слезы горьки дома льетъ.

*

Долго дѣвица больна съ тоски была.
Хоть оправилась, а за мужъ не пошла.

IV.

Зарастай моя дороженька
Травою!
Зарастай моя широкая
Полынью!
Чтобъ никто по той дороженькѣ
Не ѣздилъ!—
И дороженька травою
Заростала,
И широкая — полынью
Застилалась.
Много времени ужь съ той поры
Минуло;
Разъ весною было утромъ,
Съ позаранья:
Доброй молодецъ проѣхалъ
По дорожкѣ.
Онъ задумчивъ былъ, печаленъ,
И несчастливъ.
„Ахъ, не батюшки приказомъ
Я въ путь ѣду!“—
Говорилъ вздохнувъ тутъ молодецъ
Удалой,—
„И не матушки сударыни
Веленьемъ,

А принудила въ путь ѣхать
Дорогая!
И родимую сторонушку
Покинуть.

V.

Грустно дѣвицѣ съ другомъ розно жить!
Что настанетъ ли ночка темная,
Сядетъ дѣвица подгорюнившись,
Подъ косящето, подъ окошечко.
И глядитъ она въ поле чистое,
Говоритъ она: далеко мой другъ!
Онъ забылъ меня, онъ не жалуетъ.
Ахъ, плачь дѣвица, плачь ты красная,
Ты на то видно въ свѣтъ родилася
Чтобы выплакать очи ясные,
Изсушить свое сердце нѣжное!

VI.

День окончился,
Темна ночь пришла.
Сѣла дѣвица
Подъ окошечко,
Вышивала платъ
Чистымъ золотомъ;
Посылала платъ
Другу милому,
Подпримѣтили
Красну дѣвицу.
Тетка, съ мачихой
Стали спрашивать,

„Скажи дѣвица,
    Скажи красная,
Что ты дѣлала
    Во всю ноченьку?"
Какъ отвѣтъ держитъ,
    Красна дѣвица:
— Я со вечера,
    Пряла бѣлой ленъ;
Со полуночи
    Спать ложилася;
А проснулася,
    Ужъ и свѣтелъ день.
Не повѣрили
    Красной дѣвицѣ!
Не велѣли ей
    Въ зеленъ садъ ходить,
Ни съ подружками,
    На бесѣдушку.

VII.

Частой рощицей, весеннимъ вечеркомъ,
Шла дѣвица съ милымъ другомъ молодцомъ.

*

„Ты послушай, что скажу тебѣ другъ мой?
Много хвалишь красоту мою порой. —

*

„Стали люди твои рѣчи толковать,
И за мною по сосѣдству примѣчать.

*

„Дошла вѣсточка до матушки родной,
Съ тѣхъ поръ дѣвицѣ нѣтъ воли никакой.

*

„Нельзя выдти въ садъ цвѣточковъ поглядѣть
Ни съ подружками въ бесѣдѣ посидѣть!“

*

— Не крушися, молвилъ молодецъ въ отвѣтъ
Не услышишь больше этого впередъ.

*

Я не стану красоту твою хвалить,
Только буду красну дѣвицу любить.

VIII.

„Сбросъ красавица съ себя
Повязь золотую;
Расплетай свою косу,
Ленту кинь цвѣтную.—

*

„Съ бѣлой груди алой платъ—
Спрячь въ ларецъ кедровый;
И запри съ нимъ весь нарядъ,
И одѣнься въ новый.—

*

„Вѣсть нерадостну скажу
Милая подруга:
Нѣтъ ужъ больше у тебя
Въ свѣтѣ бѣломъ друга.—

*

*

Слышитъ дѣвица о томъ,
Слышитъ и блѣднѣетъ.
Слова вымолвитъ она —
Силы не имѣетъ.

*

Меркнетъ свѣтъ у ней въ глазахъ,
Къ стѣнкѣ приклонилась.
Голосъ замеръ на устахъ,
Скоро жизнь затмилась.

IX.

Что ты дѣвица, невесело сидишь?
Что ты красная печалишься, грустишь?

*

Отъ тоски ты измѣнилась вся въ лицѣ.
Или тужишь о удаломъ молодцѣ?—

*

Ты напрасно перестань себя губить,
Пользы нѣтъ тебѣ невѣрнаго любить.

*

Вспомни дѣвица. Родные у тебя,
Они любятъ тебя— болѣе себя.

*

Ты одна—какъ солнце красное у нихъ.
Опечалишь ты тоской своихъ родныхъ.

*

„Я бы рада перестала тосковать,
И родныхъ своихъ тоскою огорчать—

*

Но чтожъ дѣлать? какъ мнѣ друга позабыть,
Я умру—но буду милаго любить.

X.

Не велятъ Ванѣ по улицѣ ходить;
Не велятъ ему красавицу любить.
Вечеръ *Ванюшка* задумавшись сидѣлъ,
И частехонько на улицу глядѣлъ.
Дожидался мила друга своего,
И кручинился, не видѣвши его.
—Ахъ, ужель меня сердечный другъ забылъ?—
Онъ вздыхая самъ съ собою говорилъ:
Нѣтъ! не хочетъ красоты своей казать!
Безъ меня она не хочетъ здѣсь играть.
Не выходитъ въ рѣзвый сельскій хороводъ,
Не вмѣшается въ гуляющій народъ.
Знать ей скучно, знать печаль одна со мной?
Ахъ! скорѣе покажись другъ милый мой!

XI.

Красная дѣвица,
Полно горевать!
Сколько ни крушися
Друга не видать!

*

Милой твой далеко—
		День его протекъ,
Въ юности щастливой
		Кончилъ краткій вѣкъ.

*

Сладко и спокойно
		Спитъ въ землѣ сырой,
На его могилѣ
		Всякою весной—

*

Травка зеленѣетъ,
		Тамъ журчитъ ручей.—
А на ближней вѣткѣ
		Свищетъ соловей.“

XII.

Красна дѣвица сидѣла подъ окномъ,
Утирала слезы бѣлымъ рукавомъ.

*

Пришла вѣсточка нерадостная къ ней,
Что сердечный другъ невѣренъ больше ей.

*

Что задумалъ онъ иную за мужъ взять.
Какъ тушъ дѣвицѣ не плакать, не вздыхать?

*

Стали дѣвицу подружки утѣшать:
„Полно сердцемъ о невѣрномъ тосковать.

*

Ты въ селѣ у насъ всѣхъ лучше красотой,
Наши молодцы любуются тобой.

*

Всякой дѣвицѣ желаетъ угодить;
Ты властна изъ нихъ любова полюбить.

*

„Пусть ихъ много"— красна дѣвица въ отвѣтъ,
„Сердце — милаго другаго не найдетъ!"

XIII

Ахъ! ты матушка, мать быстра рѣка,
Мать быстра рѣка, Двина Сѣверна,
Ты за чѣмъ, за чѣмъ съ быстротой течешь?
Милъ сердечный другъ за рѣкою былъ,
Ко мнѣ дѣвицѣ хотѣлъ ѣхать онъ.
Но твои Двина воды быстрыя
Погубили мнѣ друга милаго.
Ахъ, ты садъ ли мой, садъ зеленый мой,
На красѣ стоишь, на великой ты,
Противъ солнышка, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, у быстрой рѣки.
Но постылъ ты мнѣ безъ мила друга.
Ахъ! подите вы въ мой зеленый садъ—
О подруженьки мои милыя!
Посмотрите вы мою яблоньку!
Тамъ нестало ужь моей яблонки,
Ее вырвали вѣтры буйные,
Унесли ее воды быстрыя!—

XIV.

Ахъ! кручина ты, кручинушка!
Ты за чѣмъ въ меня вселилася?
Ты за чѣмъ сушишь ретивое?
Ужь я выйдули въ чисто поле,
И разсѣю ли кручинушку
Далеко — вдоль по чисту полю!—
Ахъ вы вѣтры, вѣтры буйные!
Унесите вы печаль мою
И развѣйте во чистомъ полѣ!
О нещастной доброй молодецъ!
Безталанная головушка!
Я пойдуль теперь къ синю морю?
На синемъ морѣ погодушка,
Отпущуль свою кручинушку
Я на вѣтеръ по крутымъ волнамъ?
Но и въ морѣ вѣтры стихнули,
Сине море успокоилось.
А нещастной доброй молодецъ—
Безталанная головушка—
Лишь на вѣкъ тоска, кручинушка,
Въ твое сердце заронилася!

XV.

Любилъ молодецъ красну дѣвицу;
Онъ не годъ любилъ, и не два года,
Онъ любилъ ее ровно девять лѣтъ;
А въ десятой годъ его милую
За мужъ отдали — за богатаго.
Ахъ! забыли знать, что намъ счастіе
Лишь въ любви одной, а не въ золотѣ.

Какъ однажды то его милая
Повстрѣчалась съ нимъ въ зеленомъ саду;
Повстрѣчалася и заплакала,
Во слезахъ другу слово молвила:
,,Ахъ! ты душечька, мой любезной другъ!
Ты скажи мой другъ, о чемъ я спрошу,
Меня любишь ли, иль забылъ меня?"
Тутъ въ отвѣтъ сказалъ доброй молодецъ,
—Незабыть тебя моя милая,
Незабыть мнѣ — до гробовой доски.

XVI.

Въ волостномъ большомъ селеніи,
Въ дни воскресные и праздничны,
Красны дѣвицы сбиралися
На лужокъ цвѣтной, муравчатой.
Было много въ томъ селѣ дѣвицъ,
Но всѣхъ краше только двѣ изъ нихъ:
Лиза Лебедь, Катя ласточка.
Вотъ весною, послѣ праздника,
Лиза Катѣ слово молвила:
,,Ахъ! любезная подруженька,
Ты послушай, что скажу тебѣ,
Какъ придетъ опять воскресный день,
Не ходи другъ на зеленой лугъ,
Всѣ подруженьки, — какъ лютый врагъ
Надо мною красной дѣвицей,
Вечеркомъ вчера смѣялися;
Называли меня дѣвицу
Стыдно вымолвить — *надмѣнною*!"
—Будь по твоему мой милый другъ!
Отвѣчала Катя Лизанькѣ.

И насталъ опять Воскресный день:—
На лужку цвѣтномъ, муравчатомъ,
Хороводъ былъ красныхъ дѣвушекъ:
Толко молодцамъ невесело.
Двѣ прекрасныя подруженьки
Заперпись сидятъ въ свѣтелочкѣ,
Вышиваютъ по шириночкѣ,
Припѣваютъ сельски пѣсенки.—

XVII.

,,Не крушися красна дѣвица!
Не роняй ты понапрасну слезъ!
Позабудь на вѣкъ невѣрнаго!
Много, много молодцевъ въ селѣ
Красотой твоей любуются.
Другъ предъ другомъ красной дѣвицѣ
Всѣ понравиться стараются.
— Говоритъ въ отвѣтъ красавица:
—,,Красота моя безчастная,
Моя доля безотрадная!—
Кто незнаетъ сердца дѣвицы?
Разъ полюбитъ друга милаго,
А тоскуетъ цѣлый вѣкъ по немъ.“

XVIII.

Не двѣ лебеди по рѣчинькѣ плывутъ,
Двѣ красавицы по берегу идутъ.

*

Не струя бѣжитъ, по верьхъ воды журчитъ,
Красна дѣвица подругѣ говоритъ:

*

Не летитъ то мой яcенъ соколъ ко мнѣ!
Ахъ, боюся! не убитъ ли на войнѣ?

*

Онъ уѣхалъ Русь святую защищать! . .
И не можетъ ко мнѣ грамотки прислать.

*

Ахъ! не даромъ нѣтъ мнѣ вѣсти отъ него!
Знать убили мила друга моего?

*

Не забыть, когда прощалася я съ нимъ,
Черный воронъ пролетѣлъ тогда надъ нимъ!

*

Мнѣ сказало тутъ сердечушко мое:
Миновалась твое дѣвица житье!

*

,,Полюбилъ ли милый другъ, тебя, мой свѣтъ?
Слово молвила подруженька въ отвѣтъ,

*

,,Вспомни, радость, какъ прощался онъ съ тобой,
Ты другъ плакала, лились слезы рѣкой;

*

,,Убѣждала, онъ ни слова не сказалъ,
Нѣтъ, не даромъ онъ съ тобой тогда молчалъ.

*

,,Есть иная, у него, повѣрь мнѣ есть!
Стыдъ принудилъ ѣхать въ поле, а не честь."

*

Красна дѣвица въ тоску, но вдругъ глядятъ:
Вихремъ рашники — на встрѣчу имъ летятъ!

*

Впереди изъ нихъ знакомый ей лицемъ.
Поровнялась, и узнала друга въ немъ.

*

Какъ стрѣла, онъ съ доброй лошади вскочилъ;
Обнялъ дѣвицу — прощенія просилъ.

XIX.

О чемъ красавица грустишь?
Что сдѣлалось съ тобой?
Въ свѣтлицѣ дѣвица сидишь;
А праздникъ годовой!

*

Давно подруженьки твои
Стоятъ; тебя все ждутъ.
И скоро, дѣвица, одни
Въ зеленой лугъ уйдутъ.

*

Скорѣе, дѣвица, водой
Умой свое лице.
Надѣнь нарядъ свой дорогой....
Забудь о молодцѣ!

*

Иди, красавица, иди
Съ подруженьками въ лугъ.

Не жди красавица, нежди,
Забылъ тебя твой другъ!

*

Но все, ты, дѣвица, молчишь;
Ни слова нѣтъ въ отвѣтъ!
Роняешь слезы. и грустишь,
И вянешь въ цвѣтѣ лѣтъ!

*

„Ахъ! что мнѣ, что въ красѣ моей,
„Безъ милаго дружка?
„Не видѣть больше свѣтлыхъ дней!
„Убьетъ меня тоска.“

*

Пошли подружки всѣ въ лужокъ;
Она одна не шла.
И разъ, склонясь на локотокъ,
Уснула. . . . умерла.

XX.

Красно солнышко садилось за лѣса.
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ взошелъ на небеса.

*

Вотъ и дѣвицы съ полей пришли домой.
Скоро сладкой сонъ доставитъ имъ покой.

*

Только Аннушка вздыхаетъ и молчитъ:
Сонъ отъ глазъ ея далеко прочь бѣжитъ.

*

Ахъ скажите мнѣ, что сдѣлалося съ ней?
Грусть запала въ ретивое сердце къ ней.

*

Милый другъ ее покинулъ, позабылъ! . . .
Онъ вчера къ ней цѣлой день не приходилъ.

*

Цѣлой день! . .Ахъ! это значитъ что нибудь!
Льзяль съ тоски такой—красавицѣ уснуть?—

*

Нѣтъ! . . . вся ночeнька въ тоскѣ у ней прошла,
И любовь свою къ невѣрному кляла.

*

,,Нѣтъ! не буду я впередъ его любить,
Позабуду. . . не хочу себя губить.—

*

,,Ты раскаешся, но поздно милый другъ! . .
Вотъ свѣтлѣется,—стада погнали въ лугъ.

*

Всѣ подруги были веселы; одна
Только Аннушка печальна и грустна.

*

Вдругъ приходитъ милый другъ ея души.
—Что съ тобой Анюта здѣлалось, скажи?—

*

Мнѣ неможется.“ Головушка больна;
Цѣлый день вчера сидѣла у окна.

*

Виноватъ!—не могъ тебя я навѣстить,
Запрещаетъ мнѣ родной тебя любить.—

*

— Говорилъ, чтобъ я иную полюбилъ,
Но роднаго я слезами умолилъ.

*

— Или будешь ты любезная, за мной.
Иль на вѣки я останусь холостой.

*

Какъ тутъ дѣвицѣ тоски не позабыть?
Все забыла; — вновь клялась его любить.—

XXI.

Два года нѣжно молодца
Красавица любила.
Лишь съ нимъ однимъ спать у вѣнца
Дѣвица положила.
Всѣмъ отказала женихамъ
Для друга дорогаго!
Но онъ съ иной предсталъ во храмъ
У Олтаря святаго.
Была бесѣда; тамъ она
Вѣсть горестную слышитъ,
Сидитъ уныла и блѣдна,
Потупя взоръ, чуть дышетъ.—
Подруги рѣзвыя поютъ
Тамъ пѣсни круговыя;
Одна другой передаютъ
Въ тай кольцы золотыя. (*)
Она нехочетъ больше взять
Къ себѣ кольцо златое,

Есть игра называемая: хоронить золото; отъ которой взята извѣстная пѣсня: *ужь я золото хороню.*

Нейдетъ съ подружками плясать,
Удручена тоскою.
И съ той поры на вѣкъ она —
Въ свѣтлицѣ заключилась,
И слову прежнему вѣрна,
Хоть милаго лишилась.—

XXII.

Какъ стоялъ шатеръ во чистомъ полѣ;
Во шатрѣ сидѣлъ доброй молодецъ,
Онъ самъ другъ сидѣлъ, съ красной дѣвицей,
Ахъ! онъ грустенъ былъ, какъ осення ночь.
Красна дѣвица порасплакалась,
Во слезахъ другу слово молвила:
„Ахъ! ты, душечька, мой сердечный другъ!
Хоть ни слова ты не промолвишь мнѣ,
Но я вѣдаю твою думушку;
Стыдно Русскому на войнѣ не быть,
Когда вторгнулся во предѣлы врагъ.
Хоть и грустно жить красной дѣвицѣ,
Одинокою, безъ любезнаго,
Но честь молодца дорога для ней,
Поѣзжай мой другъ, не жалѣй меня,
Не жалѣй меня,— не жалѣй себя!"
Тутъ изъ глазъ ея слезы брызнули.
— Какъ поможетъ Богъ — намъ враговъ прогнать, —
Говорилъ въ отвѣтъ доброй молодецъ,—
Возвращуся я съ поля ратнаго,
И на вѣкъ съ тобой разстануся.—

XXIII.

Сидѣла Аннушка въ свѣтлицѣ,
Подпершись локоткомъ.
Подругой вѣсточка къ дѣвицѣ
Принесена тайкомъ,

*

Что милый другъ ея, сердечный
Помолвилъ на другой,
Купилъ нарядъ ей подвѣнечный
Блестящій, дорогой,

*

Что завтра красную дѣвицу
Въ храмъ Божій поведетъ,
Что мать его въ свою свѣтлицу
Давно ужъ гостью ждетъ.

*

Сидѣла Аннушка, вздыхала;
Но слезъ и пеней нѣтъ.
„Пусть,— наконецъ она сказала —
„Иную онъ возметъ.—

*

Подруженька моя богата;
А я, — ахти! — бѣдна!
Не за красу, но лишь для злата,
Она предпочтена.

*

„Но станетъ ли моя подруга
Такъ милаго любить,
Какъ страстно я любила друга?
Ужъ! этому не быть!"

XXIV.

—Нѣтъ! на бѣседу не пойду!
Мнѣ нынѣ недосугъ;
Я гостя дорогова жду:
Хотѣлъ быть милый другъ.

—Я шелку, золота куплю,
Ширинку стану шить;—
И ею друга подарю,
Чтобъ больше сталъ любить.

Настала ночь, родные спятъ,
Лишь дѣвица сидитъ.
Предъ ней шелкъ, золото лежатъ,
Игла въ рукѣ блеститъ.

„Гори свѣтецъ мой посвѣтлѣй.
„День, дольше некажись!
„Бѣги сонъ дѣвицы очей
„И дѣльцо приспорись.“

Она три ночи не спала.
Никто того не зналъ;
Ширинка вышита была.
Но милый не бывалъ.

XXV.

Любила друга дорогова,
Любила всей душой!
Но онъ, жестокой, онъ ни слова
Не вымолвитъ со мной.

*

Настанетъ день, я ожидаю,
Съ нимъ свидѣться скорѣй;

Не видя долго. — всѣмъ скучаю!
Не видѣлабъ людей!

*

Придетъ ли онъ — терзаюсь, рвуся;
Онъ о любви молчитъ!
Въ жару досады я клянуся,
Что мною онъ забытъ!

*

Скажу, что знать его не знаю;
Скажу, что не терплю!
Но вдругъ . . всю твердость я теряю, —
И все его люблю.

XXVI.

О чѣмъ грустишь дѣвица?
Что ты слезы льешь?
Нарядовъ ли красавица
Мало у тебя?

*

Ты одна у батюшки
Въ теремѣ живешь!
И любитъ тебя матушка
Болѣе себя.

*

— Не нарядъ, не жемчуги
На сердцѣ моемъ,
Молвитъ въ отвѣтъ дѣвица
Матушкѣ своей.

*

*

Разъ видѣла я витязя
Милаго лицемъ.
Съ тѣхъ поръ со мной, что здѣлалось?
Сонъ бѣжитъ очей.

*

Грущу! о чемъ! не вѣдаю
Грусти я своей,
Но сердце все трепещется!..
Сонъ бѣжитъ очей!...

XXVII.

Въ свѣтлицѣ дѣвица сидѣла,
Задумчива, грустна.
О другѣ красная жалѣла;
Въ Руси была война.

*

Пришли подруги, утѣшали
Красавицу въ тоскѣ.
„Ахъ! полно дѣвица, — сказали —
Крушиться о дружкѣ.—

*

„Забудь, любезная подруга
Скорѣй его забудь.
Какъ знать, дождешся ли ты друга,
Когда уѣхалъ въ путь! —

*

„Напрасной дѣвица тоскою
Себя ты не губи.

Прельщаясь молодцы тобою.
Инаго полюби.‘

*

„Могу ль, — въ отвѣтъ имъ возразила,
„Я друга разлюбить!
„Разъ на всегда я полюбила;
А разлюблю — не жить.“

XXVIII.

Война! война! пришло прощаться
Дѣвицѣ съ молодцомъ.
Всѣ ѣдутъ. такъ емуль остаться?
Покрыть себя стыдомъ!

*

Погоревала и рѣшилась
Вь разлукѣ съ другомъ быть.
На промыслъ Божій положилась,
По времени и жить!

*

Настало время, возвѣстила
Труба сбираться въ путь.
Дѣвица объ одномъ просила:
„Другъ милый, *незабудь*.

*

„Разставшись, милой мой, съ тобою,
Я буду слезы лить.

Услышу, вступишь въ бракъ съ иною,—
То болѣ мнѣ не жишь!“

*

Уѣхалъ другъ, прошло три года,
Нѣтъ вѣсти никакой!
Вотъ возвратились изъ похода
Всѣ ратники домой

*

Но гдѣ же *онъ*? — не возвратился!...
Онъ *тамъ* — въ землѣ чужой!—
Забывши клятвы, обручился
Съ иною красотой!

*

Дѣвица перенесть разлуки
Съ любезнымъ не могла,
Рвалась, ломала бѣлы руки
И съ грусти умерла.

XXIX.

Лейтесь слезы изъ очей
Быстрою струею,
Скрылась радость прежнихъ дней,
Друга нѣтъ сомною.

*

Онъ уѣхалъ, — щастье съ нимъ
Бѣдной миновалось.
Сердце въ слѣдъ стремясь за нимъ
Кровью обливалось.

*

Онъ уѣхалъ — ровно годъ!
Живъ иль нѣтъ? — не знаю.
Силъ забыть недостаетъ...
Мучусь и страдаю.

*

Небо, жизнь возьми мою
Прекрати страданья,
И я смерть приму свою
Въ знакъ благодѣянья.—

СМѢСЬ.

СМѢСЬ.

I.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Пускай теперь я не богатъ!
Пускай меня всѣ убѣгаютъ!—
Имѣть не буду я палатъ,
Меня и видятъ, а не знаютъ.

*

Пусть бѣденъ я какъ древній Иръ!
Пусть будетъ въ пищу хлѣбъ съ водою!
Я все еще счастливъ собою;
Есть много и такихъ, питаетъ коихъ миръ:

*

Пусть отъ меня лице свое
Фортуна нынѣ отвращаетъ,
Но что судьбой въ удѣлъ дано мнѣ,—то мое.
Опредѣленія судебъ никто не знаетъ.

*

Но придетъ часъ! . . какъ знать?—быть можетъ и ко мнѣ
Лицемъ фортуна обратится.
Тогда, какъ мѣсяцъ свѣтитъ въ тьмѣ,
Мой бѣдный жребій озарится!

***

II.

КЪ МУЗѢ.

Прелестная!... меня ты посѣтила!...
И не гнушаешся простымъ симъ шалашомъ!
И мнѣ цѣвницу ты вручила,
Мнѣ,— въ рубищѣ простомъ!...
Велишь, чтобь я пѣль красоты природы;
Луга, одѣтыя травой,
Бѣгущія въ долину воды,
И сельскія труды веселье и покой.
Твое велѣніе я робко исполняю,
И слабый голосъ мой съ цѣвницею сливаю.

III.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Однажды на берегъ песчаный
Задумчивъ я пошелъ,
И съ грустью видѣлъ—какъ багряный
Лучь солнца догорѣлъ.

*

И я такъ въ вѣчность погружуся,
И скроюсь подъ землей,
И я къ восходу пробужуся
Сь багряною зарей.

*

Но ночь моя продлится вѣки!
Долга ты ночь моя!
Забудуть въ мирѣ человѣки
Когда, и кто былъ я.

* *
*

IV.

КЪ МЕЧТАМЪ

Прелестныя, волшебницы мечты!
Я къ вамъ теперь взываю,
Разсыпьте на мой кровъ цвѣты!
Другаго щастія я въ жизни не желаю.
Не ослѣплюся суетой!
Мнѣ злата и богатствъ не надо:
Они — одинъ призракъ пустой.
Щастливецъ я, — когда имѣю стадо!
А прочее вы все украсите собой.
Но пусть подъ часъ любовь въ пріютъ ко мнѣ заглянетъ!
Для ней свободенъ входъ!
У васъ съ ней ссоры не живетъ;
А мѣста въ хижинѣ моей для ней достанетъ.

V.

КЪ МУЗАМЪ.

О Музы! дщери Аполлона!
Безвѣстный юноша, слабѣйшій изъ пѣвцовъ,
Взываетъ къ вамъ: сойдите съ Геликона
На часъ къ нему, подъ бѣдный кровъ,

*

Но не забудьте взять съ собой златую лиру,
На коей вами же внушенные пѣвцы,
Дѣянія людей передавали миру
И сладкогласіемъ пріобрѣли вѣнцы.

*

Плѣненъ волшебной ихъ игрою
Хочу идти по ихъ слѣдамъ!
И робкою рукою,
Сливая слабый гласъ, ударить по струнамъ.

*

А вы прелестныя! вы этотъ мигъ ловите;
Очаровательный свой гласъ
Съ моими звуками тогда соедините;
Отрады сердцу жду отъ васъ.

*

Не для безсмертія, о Музы! къ вамъ взываю,
Забвенье мой удѣлъ!
Но грусть, которую въ душѣ моей питаю,
Забыть на часъ бы я хотѣлъ.

*

VI.

СЕЛЬСКАЯ КАРТИНА.

Катюша, Машинька, сидите!
Ногой за дверь не выходите.
Прядите внучки бѣлый ленъ.
Не покидайте веретенъ,
Въ окно поменѣе глядите!
А я на печкѣ прикорну.
Погрѣюсь тамъ, и отдохну.
Иззябла вся; клюкой согнуло!
Охъ! мнѣ ужь восемдесять лѣтъ!
А горе, долго кто живетъ.
Чу! кажется въ трубѣ шатнуло!
Играетъ дымнымъ ставенькомъ,

Катюша, взглянька за окномъ
Не ужто вѣтеръ такъ бушуетъ?
А что, закрытали труба?
А то остынетъ вся изба.
На печкѣ здѣсь тепла будетъ.
За всѣмъ самой не углядѣть.
Боюсь, что негдѣ рукъ погрѣть;
Ну что тогда сомною будетъ?
Куда то дѣлись прежни дни?
Ахъ, таковали то я бывала!
Не придутъ болѣе они.
Я стужи, холода не знала!
Зимой стучитъ въ окно морозъ,
А я въ одномъ лишь сарафанѣ,
Бѣгу, платкомъ обкинувъ носъ,
Къ подругамъ, къ Машѣ иль Парашѣ —
И всю то ноченьку сидишь!
И весело, не углядишь,—
Какъ досидишься до разсвѣту.
Лишь свистъ идетъ, какъ ленъ прядешь,
Да только пѣсенку поешь.
Бывало спать охоты нѣту!
А какъ прикатитъ молодежь,
Зачнутъ игру, горѣлки, жмурки,
Набьютъ тебѣ какъ жаръ всѣ руки,
Глядишь, на завтре и болятъ!
Неловко прясть, тебяжь бранятъ.
Заслушаться, какъ пѣть — то станутъ,
И въ голосъ съ нами дружно грянутъ!
Ну право задесять домовъ
Въ деревнѣ слышно раздается,
И хоть тебѣ отъ стариковъ
Глядишь, на завтре достается,
Но промолчишь,— и все пройдетъ.

Когда же лѣто — то придетъ?
Поля покроются травою;
А ты нарядишься; съ косою
Косить траву на лугъ пойдешь,
Въ прокосѣ по цвѣтамъ идешь,
Не знаешь устали, поешь—
Лишь толко пѣсни круговыя,
Когда же солнце за горой
Сокроетъ ликъ свой золотой,
И ты пойдешь съ трудовъ домой,
Придутъ ребята молодые!
Сберемся цѣлою толпой,
Глядишь, дорогой удалые
Затѣютъ въ хороводъ плясать,
Иные на рожкахъ играть,
Придешь домой, — ужь ночь глухая!

Ахъ молодость — то золотая,
Куда ты дѣлась? какъ прошла?
Давноль я молода была?
А нынѣ вдругъ я подряхлѣла;
Вотъ стало и въ глазахъ темно.
Да что молчитъ веретено?
Не покидайте внучки дѣла!

А внучки глядя на нее,
Словамъ старушки улыбались;
Мечтая о своемъ житьѣ
Рѣзвясь, украдкою смѣялись.

VII.

ПРАЗДНИКЪ.

Веспой въ день Троицы святой
Дѣвицы наряжались.
На лугъ муравчатой, цвѣтной
Красавицы сбирались.

*

Пришли ихъ слѣдомъ молодцы;
Дѣвицамъ поклонились.
Запѣли пѣсни удальцы
Попарно раздѣлились.—

*

И всякъ съ подругою своей
Подъ пѣсню круговую,
Рука съ рукою взявшись съ ней,
Шелъ Русскую — родную.

*

Какъ бѣлы лебеди плывутъ
Дѣвицы съ молодцами,
Рукой прикрывшись, чуть идутъ —
И мѣрными кругами.

*

Глядѣли матери на нихъ
И дѣвочекъ хвалили.
Она *невѣста*, онъ *женихъ*!
Лишь только говорили.

*

Вотъ вечеръ; солнце той порой
Сокрылось за горою.
И всѣ, собравшися толпой,
Пошли домой, къ покою.

VIII.

КЪ ДРУГУ.

Мой другъ, не говори мнѣ больше о стихахъ!
Я занятъ всякой день претягостной работой. (*)
Взгляни, мозоли на рукахъ....
Но, я съ охотой
Сношу тяжелый жребій мой.
Сказать ли *какъ живу?* встаю всегда съ зарей;
Возьму *вѣдро* и — за водою
Иду на славную *Неву*.
Любуюсь, какъ бѣжитъ волна въ слѣдъ за волною;
И вотъ *девятый* валъ подъявъ свою главу
О брегъ крутой дробится.
То солнца яркій лучь поверьхъ зыбей златится,
То звукъ пастушьяго рожка
Издалека,
Святую тишину внезапно прерываетъ,
И гулъ свой съ плескомъ волнъ сливаетъ.
Приду ли въ домъ,
Тогда займуся

(*) 2 Іюня 1826.

Другимъ трудомъ.
„И всякой часъ я до поту тружуся.
. . . . Мысль эта для тебя
Прискорбна, другъ мой милый!
„Работою его ослабѣваютъ силы!
„Несчастный! губитъ онъ себя!
„И скорою стопой идетъ во мракъ могилы.“
Такъ мыслишь ты мой другъ! незнаю, что сказать?
Но мнѣнія твои едваль не справедливы?
Я вяну какъ цвѣтокъ отъ солнышка палимый.
Такъ! знать мнѣ суждено страдать!
Но я снесу мой жребій безъ роптанья;—
Съ надеждой воздаянья
Не здѣсь, но *тамъ* безъ скорби жить.—
И ты мой другъ, по дружеству со мною —
Привыкши горести дѣлить,
Не сѣтуй обо мнѣ. Съ растерзанной душею
Оставить лучше свѣтъ, не жить,
Чѣмъ жизнь несчастную влачить.
А милый другъ придетъ порою,
И тлѣнный прахъ пѣвца почтитъ своей слезою.—

IX.

КЪ СОЛОВЬЮ.

О милый Соловей,
Давно ли голосъ твой въ сей рощѣ раздавался?
Я часто пѣснями твоими наслаждался
И сердце утѣшалъ въ тоскѣ печальныхъ дней.

Но нынѣ Соловей покинулъ рощу ты,—
И все, мнѣ кажется въ природѣ опустѣло!
Гдѣ счастіе мое? оно ужъ улѣтѣло!
Разсѣялись мои прелестныя мечты!

*

Подъ тою ивою густою,
Гдѣ часто твоему я пѣнію внималъ,
Гдѣ горести забывъ, я радость ощущалъ,
Опять, задумчивый, сижу съ моей тоскою.

*

О, еслибъ ты опять къ намъ милый возвратился!—
И, вновь
Воспѣлъ къ веснѣ свою любовь,
Я сновабъ, можетъ быть, блаженствомъ насладился!

X.

СТАНСЫ КЪ ДРУГУ.

(Посвящаются И. Н. Б.)

Какъ грустно быть въ разлукѣ мнѣ съ тобой?
Ужасная тоска меня снѣдаетъ!
Вездѣ и все тебя напоминаетъ,
И яснымъ днемъ, и позднею порой!

*

Еще лице земли ночной покрыто тьмой,
Еще природа въ снѣ погружена глубокомъ,
Но я, — терзаемый тоской,

Оставилъ ложе сна съ сердечнымъ, тяжкимъ вздохомъ.

*

Настанетъ день: все оживетъ съ зарей,
И пѣсни радости повсюду раздаются.
Лишь только я одинъ брожу съ своей тоской,
И слезы горькія изъ глазъ невольно льются.

*

Ахъ! .. скороли щастливый день придетъ?
Ахъ! скоро ли судьба свершитъ мои желанья?
Когда,—когда мои окончатся страданья?
И твой печальный другъ, вновь щастіе найдетъ?

XI.

МОЯ ЖИЗНЬ.

Живу среди людей
И никого не знаю!
Незнаютъ и меня;
Я мирный поселянинъ.

*

Живу я въ шалашѣ;
Въ трудахъ день провождаю.
Ѣмъ хлѣбъ и молоко,
И сладко засыпаю.

*

Когда же грусть найдетъ,
Возьму свирѣль пастушью,

Начну играть на ней,
И сердцу станетъ легче.

*

Нѣтъ злата у меня;
Богатой нѣтъ одежды;
И нѣтъ мнѣ нужды въ нихъ!
Безъ нихъ живу счастливо,

XII.

РОЗА

Юная роза,
Нѣжной цвѣточикъ!
Всѣхъ ты цвѣточковъ
Въ свѣтѣ милѣе!
Всѣ тебя любятъ
Юную розу! —
Вьютъ ли вѣночки
Красны дѣвицы,
Юная роза
Въ первомъ тамъ мѣстѣ,
Часто младыя
Здѣсь поселянки
Юную розу
Носятъ у сердца.

Юная роза!
Нѣжный цвѣточикъ!
Нѣтъ тебя краше!
Въ садуль съ весною,
Явится роза,
И вѣтерочки

Вьются къ прелестной.
Но жаль мнѣ Роза!
Вѣкъ твой не дологъ!
Скоро увянешь.
Ясное солнце,
Сушитъ лучами.
Вѣтеръ холодный
Дунетъ на Розу,
Розы не станетъ.

Розѣ подобна
Юность златая!
А аромату
Доброе дѣло.
Хоть непримѣтно
Юность, какъ Роза
Блекнетъ и вянетъ—
Но не забудутъ
Добрыхъ поступковъ—
Какъ не забудутъ
Розъ ароматныхъ. —

XIII.

ПОѢЗДКА ВЪ КРАСНОЕ СЕЛО.

Въ осенній тихой день,
Позвалъ меня пріятель
До Краснаго села
На имянины къ другу.

*

Дорогой видѣлъ я
Чудесныя картины!...

Нельзя глядѣть на нихъ
Безъ сладостнаго чувства!

*

Я видѣлъ тамъ поля,
И рощи и долины,
И хижины селянъ
И домы Царедворцевъ.

*

Тутъ мирныя стада
Резвились на полянѣ;
При нихъ сидѣлъ пастухъ,
Самъ - другъ, съ своей собачкой.

*

Вотъ Пулкова гора
Какъ Исполинъ высоко
Взнесла свою главу
Надъ скромною долиной.

*

А тамъ среди села,
На маленькомъ пригоркѣ
Подъ липой молодой
Сидѣли поселянки.

*

И подлѣ ихъ кружкомъ
Ребята молодые,
И съ ними за одно
Поютъ родныя пѣсни.

*

Но, вотъ настала ночь.
Дорога миновалась.
И мы ужь были тамъ, —
У друга на бѣседѣ.

XIV.

ОБОДРЕНІЕ ПОЭТУ.

СТАНСЫ.

Поэтуль на судьбу пѣнять?
Онъ чуждъ быть долженъ всякихъ пѣней.
Страдая отъ людскихъ гоненій,
Онъ долженъ скорбь свою скрывать

Поэтуль лестью унижаться?
Ужели онъ какъ низкій рабъ —
Предъ Крезомъ станетъ изгибаться?
Нѣтъ! ... онъ не будетъ столько слабъ!

Пусть дни свои онъ провождаетъ —
И въ бѣдности и съ нищетой!
Онъ жить по смерти уповаетъ!
А въ мірѣ жизнь сходна съ мечтой.—

Такъ! ... такъ! ... чѣмъ болѣе гоненья,
Тѣмъ лучшая награда ждетъ! .....
Завиденъ твой удѣлъ, поэтъ!
Будь твердъ; имѣй — на все терпѣнье.—

XV.

РОМАНСЪ.

(На разставанье съ друзьями.)

„Друзья! ... послѣдній часъ бѣседую я съ вами.
Иду я съ вѣрными отечества сынами

За Русь, за кровъ родной,
Въ кровавый бой. —

*

„Настанетъ часъ, — на бранномъ полѣ
Я докажу къ отечеству любовь! —
Не пощажу себя! . . . пролью до капли кровь! . . .
Что можетъ быть сей чести болѣ? —

*

„Нѣтъ! нѣтъ! надъ Русью намъ родной
Не будетъ славиться побѣдой врагъ надменный.
Падетъ онъ — кровью обагренный!
И стыдъ его покроетъ вѣковой!"

XV.

Ѳ. Н. СЛѢПУШКИНУ.

С—нъ, ты поетъ! . . какой же ты счастливецъ!
Читаютъ всѣ стихи твои!
Ты вздумавъ описать крестьянъ рабочи дни,
Сталъ вдругъ у Музъ любимецъ!
Легко сказать, быть въ милости у нихъ.
Парнасскій скользскій путь, столь трудный для другихъ—
Тебѣ не скользокъ и не труденъ.

Имѣлъ и я талантъ подобный твоему.
Но сколько былъ я безразсуденъ!
Я пищи недавалъ ему;

Таилъ въ безвѣстности, и скрыть хотѣлъ
съ собою,
Когда мой прахъ скрытъ будетъ подъ зем-
лею . . .
Но ты мнѣ далъ примѣръ, — хочу итти во
слѣдъ!
Хочу, чтобъ и меня зналъ свѣтъ!
Но нѣтъ! . . . мысль дерзская! . . . моихъ сти-
хотвореній,
Моихъ въ досугѣ наслажденій
Ты не увидишь; ихъ творецъ
Въ безвѣстности найдетъ конецъ.
Пусть недостигнетъ въ слухъ — къ нему са-
тиры жало!
Не будетъ злой Зоилъ смѣяться надъ пѣв-
цомъ!
Не скажетъ, что въ стихахъ со всѣмъ
его трудомъ,
Ни красоты, ни складу не бывало.
Не будетъ приговоръ читать своимъ сти-
хамъ.
Терпѣть насмѣшки, муки.—
И проспирать, ломая руки,
Моля омщеньи Музъ — насмѣшникамъ врагамъ,
Чтобы онѣ его злодѣевъ наказали.—
И чѣмъ? по выпускѣ твореній ихъ на свѣтъ —
Чтобы нигдѣ ихъ не читали.

Но нѣтъ!
Напрасно быть въ безвѣстности мечтаю;
Напрасно я мои бездѣлки скрыть хотѣлъ,
Таить себя не мой удѣлъ!
Поэтомъ быть желаніемъ сгараю,
Оно мнѣ говоритъ:

Не унывай, и ты піитъ!
Иди своимъ путемъ, и не робѣй ни мало.
Пѣвцовъ средь сельскихъ Музъ довольно ужь бывало.
Виргилій, Ломоносовъ былъ!
Превознесли ихъ похвалами.
Другой Геройскими дѣлами
Такихъ похвалъ не получилъ . . .
Но въ мысли мнѣ приходитъ,
Что часто тотъ безславіе находитъ,
Кто не спросясь съ умомъ,
Да заберется въ Фебовъ домъ.
Щастливъ, кого онъ самъ къ бесѣдѣ призываетъ!
И такъ, какъ ты, кто Музамъ угождаетъ.
А я? . . . Но я подъ часъ насмѣшникамъ на зло,
Надѣюсь и свое возвысить дарованье! —
Ахъ! безъ него и этобы посланье
Къ тебѣ бы не дошло.

XVII.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ Ѳ. Н. СЛѢПУШКИНУ (*)

О добрый Русскій Гезіодъ!
Ты сельской Музою внушенной,
Войдя въ простый свой огородъ,
Подъ тѣнью пѣлъ уединенной,
Красу луговъ, долинъ, полей,
Жизнь мирную своихъ собратій;

(*) Напечатано въ Благонамѣренномъ на 1826. No XI.

Пленялись пѣснію твоей
Вельможа, воинъ и оратай —
И Музы, милый нашъ пѣвецъ,
Сплели тебѣ изъ миртъ вѣнецъ.

Но ты, идя своей стезею,
— Никто которой не ходилъ,
Ко щастію достигнулъ сю
И поле новое открылъ.

Какой прелестный видъ явился
Мнѣ, по твоимъ пѣвецъ слѣдамъ:
Тамъ чистый, какъ хрусталь, катился
Ручей по розовымъ цвѣтамъ.
Тутъ лугъ обширный и зеленый;
На немъ паслись стада рѣзвясь. —
Тутъ бьетъ струсю ключь студеный;

Къ нему рука съ рукой сплетясь,
Идутъ пастушки молодыя
И моютъ кудри золотыя
Водою свѣтлой ключевой.
Тутъ роща, гдѣ пастухъ весной
Ходилъ скрываяся отъ зноя,
Искавъ въ тѣни себѣ покоя.
А тутъ, подъ ивовымъ лѣскомъ,
Невѣста сельская, младая,
Творца Небесъ благословляя,
Сидитъ съ любезнымъ женихомъ.
Здѣсь поле: жатва золотая
Какъ перлы свѣтлыя блеститъ.
А здѣсь—вотъ хижинка простая;
На лавкѣ въ ней старикъ сидитъ,

Съ женой, съ дѣтьми, со всей семьею.
Предъ ними столъ стоитъ, покрытъ
Здоровой яствой и простою.
И вотъ, предъ Спасомъ помолясь,
За столъ съ домашними садится,
И ѣстъ и пьетъ благословясь;
Потомъ, опять перекрестясь
Встаетъ и мирно спать ложится.
Все это, все казалось мнѣ,
Не такъ, какъ въ миломъ, сладкомъ снѣ,
Но будто въ явѣ предъ глазами.

О ты, который небесами
Съ такой щедротой награжденъ,
Что могъ поэзіи цвѣтами
Всему дать жизнь, какъ Оберонъ!
Ты силой тайнаго искуства,
Плѣняя милой простотой,
Вдилъ въ насъ невѣдомыя чувства.—
Собратъ признательнѣйшій твой
Тебя чтитъ искренней хвалой;
Прими дань юноши простаго;
И слабость извини мою:
Отъ сердца я хвалу пою;—
Дать въ даръ — не нахожу инаго.

XVIII.

П. П. СВИНЬИНУ.

Къ тебѣ почтеннѣйшій *Свиньинъ*,
Простой, безвѣстный селянинъ —
Изъ дальняго Россіи края

Давно твой образъ мыслей зная,
Задумалъ грамотку послать.
Онъ проситъ оную принять. —
Любовь, которую питаетъ
Онъ къ милой родинѣ своей,
Писать къ тебѣ ему внушаетъ.

Ты много переплылъ морей,—
Ты Русь объѣхалъ въ край отъ края,
Что видѣлъ всѣмъ передавая,
Перомъ и кистію твоей.
Но видѣть было не угодно
Тебѣ лишь — родины моей.
Хотя климатъ у насъ холодной,
Но онъ,—онъ все еще теплѣй
Страны Сибири полудикой.
,,И АЛЕКСАНДРЪ и ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
Нашъ край далекій посѣтилъ.
Онъ чести сей достоинъ былъ:
Тамъ есть прелестныя картины!
И ты увидѣлъ бы долины,
Поля подъ жатвой золотой,
Дубравы темныя, густыя;
Утесы дикіе, крутые;
И кровы мирныхъ поселянъ;
И много рѣкъ большихъ, глубокихъ;
И шумъ пѣнящихся валовъ,
Ты бъ тамъ услышалъ свистъ вѣтровъ
Между ущелій горъ высокихъ.
Еще бъ увидѣлъ ты порой: —
Какъ Солнце красное ложится
На влажной стихіи морской.
Но только полчаса продлится, —
На твердь лазурную небесъ

Ужъ Солнце ясное восходитъ!
И вмигъ въ природѣ мракъ прогонитъ!
Зашевелится листъ древесъ
Отъ нѣжныхъ вѣтерковъ летящихъ,
И огласится долъ и лѣсъ
Отъ тихихъ ручейковъ журчащихъ.
И громко птицы воспоютъ
Похвальну пѣснь Творцу вселенной;
Тамъ, далѣе — къ трудамъ идутъ
Изъ хижины простой, смиренной,
Селяне съ радостнымъ лицемъ,
И на устахъ къ Творцу съ хвалою. . . .
— Но льзяль понятіе о всемъ
Мнѣ дать сей слабою чертою?
Я только лепетать порою
Могу о родинѣ моей. —
Писать таланта не имѣю.
Но только я увѣрить смѣю,
Что много бъ ты, нашелъ, Свиньинъ,
Очаровательныхъ картинъ,
Твоей достойныхъ кисти смѣлой.
Рѣшись въ путь новый, путь веселой! —

XIX.

КЪ Н. К. ПОПОВУ.

Такъ, мой любезный другъ, я бѣденъ, слова нѣтъ!
„Но *бѣдность не порокъ*,“— пословица идетъ:
И побогатству ли нашъ умъ и дарованья
Потомство будетъ впредь цѣнить?
Въ потомствѣ не богатствомъ жить!

Богачь гордясь, при всемъ стяжаньи —
Умретъ и будетъ позабытъ!
И тлѣнный прахъ его въ забвеніи изтлѣетъ.
Никто его непосѣтитъ! . . .

Но если кто имѣетъ
Священный неба даръ,
Любовь къ поэзіи, — то ею вдохновенный
При всей онъ бѣдности забытый, угнѣтенный
Въ душѣ питаетъ сладкій жаръ;
Онъ жизнь безвременно скончаетъ
Но память дѣлъ его потомство сохраняетъ
До позднихъ лѣтъ,—
И на его могилѣ хладной
Не кипарисъ, зеленый лавръ растетъ!

Пусть бѣденъ я, пусть скудно я одѣтъ,
Но я нельщу наружностью превратной.
И на презрительный, надменный *Креза* взглядъ
Я только улыбнусь и нескажу ни слова.
Въ потомствѣ месть ему готова,
Презреньемъ и ему отплатятъ въ свой черёдъ.

Стократно тотъ счастливѣй, кто живетъ
Въ златомъ спокойствіи при маленькомъ стяжаньи,
И сребролюбіемъ,— сей жаждой,—не томимъ,
И также добръ, какъ ты. — Отъ Бога воздаянье

Готовится ему. Онъ всѣми здѣсь любимъ,
И *тамъ* не будетъ онъ въ забвеньи!
А бѣдный на его могилѣ, въ сокрушеньи
Дань принесетъ въ слезахъ. Вотъ лучшая хвала,
Достойнѣе златаго мавзолея.

Но мнѣль хвалить тебя? талантовъ не имѣя,
Могу любить тебя я по твоимъ дѣламъ.
А ихъ награда — *тамъ!*

XX.

ДАМОНЪ.

Сказка (Изъ Гольберга.)

Пастухъ Дамонъ,
Былъ честенъ, добръ, уменъ,
Сосѣди не могли Дамономъ нахвалиться.
Не знаю отъ чего пришла къ нему тоска.
Дамонъ ни пьетъ ни ѣстъ! . . . и вздумалъ утопиться.
Рѣка была недалека,
Дамонъ къ ней подбѣгаетъ,
И только, что въ рѣку онъ броситься спѣшилъ,
Какъ вспомнилъ онъ, что шляпу позабылъ.
Хоть нужды неимѣлъ онъ въ шляпѣ, чтобъ топиться.
Однакожъ разсудилъ домой онъ возвратиться,
И побѣжалъ. . . . но той порой,
Какъ шляпу онъ искалъ, раздумался съ собой.
Идти къ рѣкѣ остановился.
Рѣшился жить — и веселился.

XXI.

ПЬЯНСТВО.

(Сказка.)

Однажды двѣ кумы шли улицей одной
И говорили межъ собой:
Скажи—ка, милая, какъ нынѣ поживаетъ
Кума наша, Иванова жена?—
Маланьюшка? Ахъ! бѣдная, она
И въ адѣ равнаго житья себѣ нечаетъ!
Она страдаетъ, не живетъ ....
И только горьки слезы льетъ ...
Ужъ Богъ далъ муженька! безъ просыпу гу-
ляку ....
И злова — какъ собаку! ..
Онъ пьетъ,
А бѣдную жену разъ десять на день бьетъ.
Ахъ! горе Кумушкѣ несчастной! "—
—За чтожъ бы, кажется? — „Пропала зана-
прасно!
Мужъ злой,
А больше пьяница, всегда найдетъ причину —
Подраться со своей женой.
Проспался—и за ней, дай гривну, дай полтину;
Гдѣ хочешь, а возьми и дай!
Хоть все въ закладъ снеси, хоть ликъ свя-
той продай!
А нѣтъ, — такъ и бѣда! Онъ и подниметъ
драку! ..
—И мнѣ Богъ мужа далъ большаго жь забіяку—
Да проучила же! ... Ахъ! мать моя! ....
Какъ? ... гдѣ? ... "
*

Просила на него въ Судѣ.
Съ тѣхъ поръ, какъ испыталъ судѣйскія
мытарства,
Отсталъ отъ пьянства.

XXII.

СТАРУШКА.

(Сказка.)

Старушкѣ лѣтъ подъ шестьдесятъ
Имѣніе досталося большое.
Богатству кто не радъ?
Съ нимъ жить милѣе вдвое.
Она забыла вдругъ преклонность поздныхъ
лѣтъ,—
Пустилась въ шумный свѣтъ.
Бывало платьице простое,
А нынѣ платье щегольское.
Нарядъ ужь ненарядъ!
Карета не карета.

Однажды, говорятъ,
Старушка эта
Четверкой вороныхъ
Везлась въ каретѣ на гулянье.
Одинъ старикъ,— Правдинъ его названье.
Съ ней встрѣтившись сказалъ: не скроетъ
лѣтъ твоихъ,
Ни самый блескъ, ни это одѣянье,
Старушка, ты дурнѣе въ нихъ.

*

Старушки! менѣе рядитесь.
Иль на себя уже сердитесь,
Услышавши отъ Правдина,
Ахъ, какъ смѣшна она!

XXIII.

РАЗСКАЗЫ.

(Сказка.)

,,П. *Власьевна!* не знаешь, что случилось
У *Климыча* съ своей женой?
Не давно подрались.‥ — Не ужь ли? — Богъ святой
Порукою тебѣ! — У Климыхи водилось
Рублишковъ пять;
Узналъ мужъ — пьяница объ этомъ;
Сего дня, рано, передъ свѣтомъ
Онъ сталъ къ ней приступать.
Отступу нѣтъ! *дай рубль!* — На что? Снести въ *питейной.*
,,Тамъ — говорилъ — лежитъ въ закладѣ мой кафтанъ
,,И съ кофтою твоей кисейной,
,,Такъ я, вотъ выкуплю.‟ Пусть былъ бы онъ не пьянъ,
А то чуть на ногахъ держался.
Какъ взбеленилася да *Климыча* жена!...
Я думала, что ужь она
Прибьетъ его до полусмерти;
Прости! сказала я:
Теперь душа твоя

Ужь прямо въ адъ пойдетъ, ее утащатъ черти.
Но лишь она ухватъ схватила, занесла,
И поспинѣ его хотѣла приударить,
Какъ онъ—голубушка, я чуть не умерла,
И можно ли представить?
Сталъ вдругъ трезвехонекъ, давай Окулю бить.
То въ голову, то въ спину,
Да съ приговоркою:" *сильнѣй женъ не бит*
Что дѣлать съ пьяницей? дала ему *полтин*

XXIV.

МУЖЪ и ЖЕНА.

(Сказка.)

— Жена!.. Федосьюшка....да дай же ради Бога,
Полтинку только лишь ... я не прошу уж много.—
„Полтину.. дать тебѣ?.. а если въ домѣ грошъ?
„Лишь только дай!.. да дай! а самъ не принесешь.
„Не будетъ... прочь поди... не говори н слова!..
„Ахъ согрѣшила я — не вышла за другова!
„Сосѣдка Марьюшка — какъ въ маслѣ сыр живетъ.
„А ты — лишь мучишься... и смерть то не придетъ!..
Хотябъ ты умеръ ужь скорѣе."
Какъ камень у меня на шеѣ!

— Ну, полножь, не бранись. —,, Ияжь изволь
молчать!
Богъ милостивъ, у насъ всего еще есть въ
волю.,, —
,,Такъ надо все и пропивать?"
—Нѣтъ съ завтрашняго дня, повѣрь, пить
полно болѣ.
Я буду навсегда твоей покоренъ волѣ.—
,,Но что ни говори, а денегъ гроша нѣтъ!"
А Федосьюшка . . . да . . . умились . . .
Мнѣ смерть придетъ . . .
Хоть гривну . . . — ,, отвяжися!"
Жена . . . ужли меня ты хочешь уморить?
Впередъ не стану пить . . . вотъ Богъ тебѣ
свидѣтель! . . .
Ну Фенюшка! . . . другъ милый! . . . благодѣ-
тель! . . .
,,Не приведи Господь за пьяницею быть!
,,Хоть глазъ ему коли, не дастъ тебѣ по-
кою.
На гривенникъ, злодѣй!
Да не вина возьми, а водочки! не пей.—
А принеси домой, быть можетъ, что съ
тобою
Хоть съ капельку и я— отъ горя въ ротъ
возьму.
Поди жь . . . скорѣй ходи! . . . да не забудь
жену. —

XXV.

ДРУЖБА.

(Сказка.)

Крестьянинъ нашъ Кузьма
Свелъ тѣсно дружество съ Филатомъ;
Зовутъ одинъ другаго братомъ;
Другъ друга любятъ безъ ума!
„Вѣкъ цѣлый, мы любить другъ друга будемъ!-
Однажды, говорять друзья:—
„И никогда того счастливѣйшаго дня,
Въ которой свидѣлись, съ тобой не позабудемъ:
Настанетъ день; и солнце чуть взойдетъ;
Всѣ смертные еще сномъ сладкимъ почиваютъ;
Одни друзья не просыпаютъ.
И ужъ *Филатъ* къ *Кузьмѣ* поклонъ отдать идетъ.
Проходитъ двѣ, иль три недѣли
Какъ стали въ сей пріязни жить!
И вдругъ съ Филатушкой случись несчастью быть!
Какому ровнаго не видано доселѣ.
Филатъ къ Кузьмѣ поклонъ отдать пришелъ.
А другъ его въ пуховикахъ валяясь
Съ любимицей своей болонкой забавляясь
Не поклонясь сидѣлъ.
Филатъ, хоть и Филатъ, однакожъ огорчился.

Ну такъ ли долгъ велитъ намъ принимать
друзей?
Филатъ съ того же дня съ Кузьмою распро-
стился.

*

Вотъ тожъ случается и больших людей.

XXVI.

НАДПИСЬ.

КЪ ПОРТРЕТУ Ѳ. Н. СЛѢПУШКИНА.

Сиъ первый, на Руси Святой,
Изъ сельской хижины смиренной,
Самой природой вдохновенный,
Плѣнилъ свирѣлью насъ простой.

XXVII.

НАДГРОБНАЯ ДРУГУ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Пусть пышный Мавзолей прахъ бренный по-
крываешь
Надмѣнныхъ богачей;
И памятникъ, и Мавзолей
Все время истребляетъ.
Но память дѣлъ твоихъ, о добрый человѣкъ!
Оно не истребитъ во вѣкъ.

XXVIII.

ЭПИГРАММА.

(Скупой Линъ.)

У насъ идетъ молва, что Лина разщедрилась,
Копѣйку бѣдной подала;
Но обѣщаніе при томъ отъ ней взяла,—
Чтобъ за нее она — разъ сотню помолилась.—

XIX.

ЭПИГРАММА.

Вчера съ *Натальею Ермила* бракъ свершился.
Весь городъ удивился.
Наталья тридцать лѣтъ идти,
Все за мужь снаряжалась
И не рѣшалась.
Ермилъ же сорокъ лѣтъ невѣстъ не могъ найти.

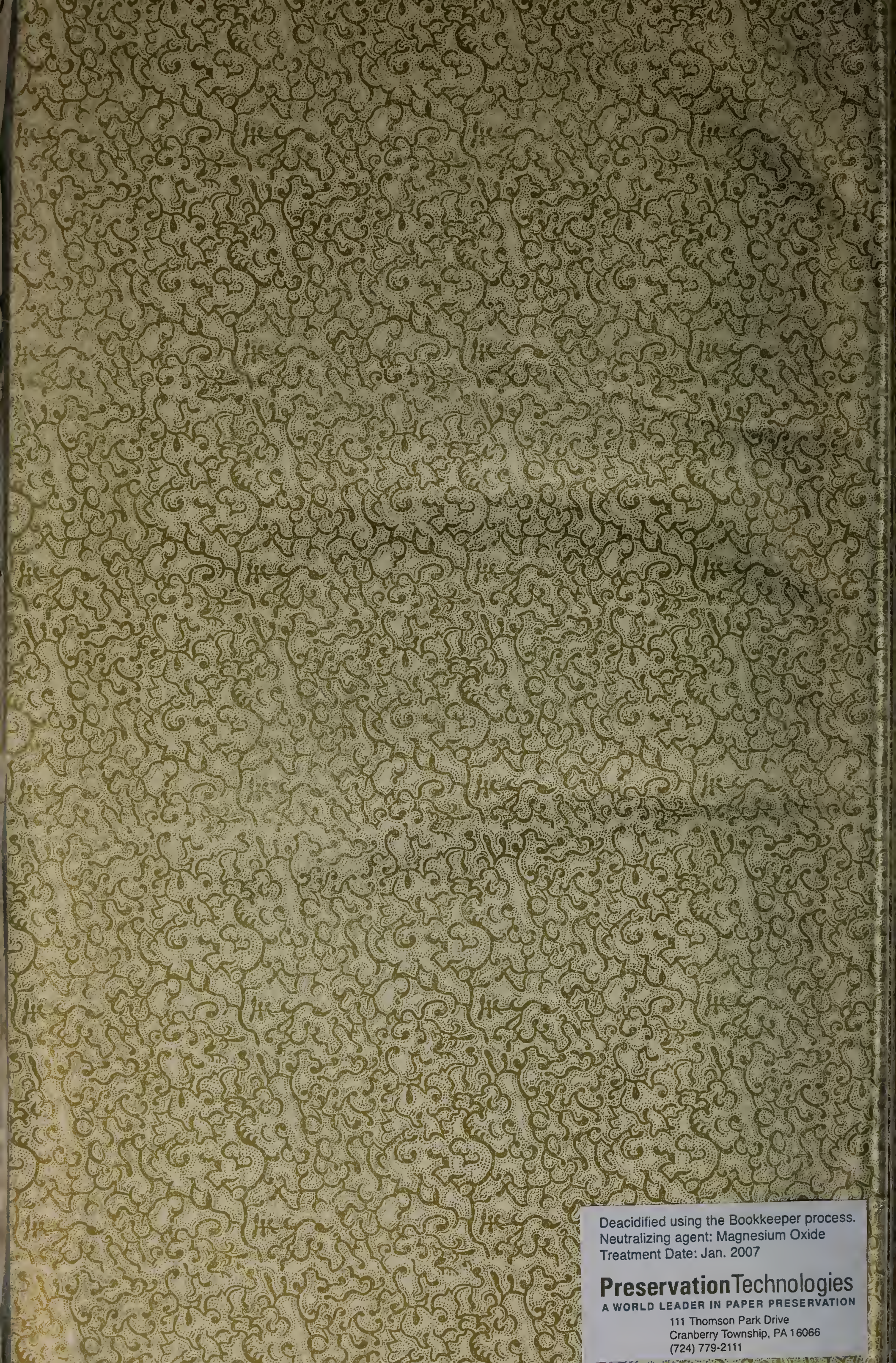
Конецъ.

Опечатки

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Надлежит быть:*
26	13	о потери	о потерѣ
28	21	смотриетлями	смотрителями
29	7	съ ѣли	съѣли.
30	18	Какушка	Кукушка
34	13	на говорилъ	наговорилъ
45	21	Давай судить! въ три дни рѣшили.	Давай судить! Въ три дня рѣшить!
60	17	объ ея потери	объ ея потерѣ
77	17	Лиза Лебедь	Лиза — лебедь,
86	13	одни	однѣ
84	28	и на вѣкъ съ тобой разстануся	И на вѣкъ съ тобой, не разстануся.
85	24	Ужъ! этому не быть.	Ужъ этому не быть!
99	5	тепла будетъ	тепла убудетъ
99	10	ахъ, таковали то я	ахъ, таковаль то я
108	12	Исполинъ	исполинъ
121	24	да Климыча жена	на Климыча жена
124	5	завутъ	зовутъ
125	5	и большихъ людей	и у большихъ людей.

Кромѣ показанныхъ ошибокъ, вкравшихся, по необходимой скорости печатанія сей кни и, замѣчено что во многихъ мѣстахъ запятыя вышли такъ слѣпо, что почти обращены въ точки, и еще нѣсколько погрѣшностей въ ореографическихъ знакахъ, по недосмотрѣнію въ корректурѣ, почему Издатели и просятъ извиненія у благосклонныхъ читателей.

Нѣкоторыя изъ басней *Суханова* передѣланы имъ изъ *Голберга*, но Сухановъ не знаетъ Нѣмецкаго языка, а перелагаль басни Гольберга въ стихи съ Русскаго перевода въ прозѣ.—

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

